

Санкт-Петербургский государственный университет

Жэсинима

Выпускная квалификационная работа

Активные русские пословицы тематической группы «Взаимоотношения людей» (на фоне пословиц китайского языка)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:
Доктор филологических наук, профессор
Кафедра славянской филологии
Котова Марина Юрьевна

Рецензент:
канд. филол. н.,
Доцент, Кафедра русского языка,
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева»,
Кабанова Светлана Александровна

Санкт-Петербург

2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические направления исследования тематических групп активных пословиц	8
1.1. Пословица как объект для исследования в филологической науке России и Китая	8
1.2. Значение теории паремиологического минимума для российской и китайской паремиологии	27
1.3. Роль тематической классификации пословиц для характеристики языковой картины мира русского языка	32
ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	41
Глава 2. Лингвокультурологический комментарий к русским активным пословицам о взаимоотношениях людей (на фоне китайских пословиц)	43
2.1. Тематическая подгруппа «Благодарность – неблагодарность за помощь» русских пословиц и их китайских пословичных параллелей	44
2.2. Функционирование пословиц тематической подгруппы «Щедрый подарок - скупой» в русской и китайской речи	47
2.3. Установка культуры в тематической подгруппе «Сытый - голодный»: сходные аспекты в русских и китайских пословицах	52
2.4. Отражение традиционного представления о взаимоотношениях в тематической подгруппе «Встреча – расставание»	55
2.5. Русские пословицы тематической подгруппы «Сочувствие - равнодушие» и их китайские пословичные параллели	59
2.6. Коммуникативные особенности пословиц тематической подгруппы «Начальник - подчиненные» в русской и китайской культуре	61
ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	72
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ	77
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СБОРНИКОВ ПАРЕМИЙ	78
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	79
ПРИЛОЖЕНИЕ	79

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурология является частью филологической науки, которая сформирована на стыке лингвистики и культурологии. Основной задачей является анализ культуры народа, изучение плотного взаимодействия культуры и языка. Данная наука находится в тесной связи с исследованием национальный образ мира и языковое сознание его носителя одного и того же языка.

Картина мира представляется универсальным и достаточно абстрактным понятием. Каждая нация имеет собственную картину мира. Понятие картины мира можно разделить на два вида - концептуальную и языковую. Языковая картина мира содержит в себе знания и учения о внешнем и внутреннем мире, основываясь на языке. Языковые картины мира в России и Китае имеют свои отличия, которые можно наблюдать в повседневной бытовой речи в обществе, в журналистике, а также в произведениях массовой культуры.

Паремиологическая картина мира является значимой частью языковой картины мира. В данном исследовании мы анализируем русскую и китайскую паремиологические картины мира. В русской паремиологической картине мира заключаются культурные установки, которые отражаются в пословицах и поговорках.

Заметим, что при условии отсутствия исследования в китайской лингвистике, которые посвящены китайской паремиологической картине мира, мы предполагаем, что паремиологическая картина мира включает в себя пословицы, а также идиоматические выражения.

В данном исследовании мы рассматриваем и анализируем активные русские пословицы тематической группы “Взаимоотношения людей” (на фоне пословиц китайского языка). Пословицы можно считать универсальным методом отражения национальной картины мира, свойств людей и явлений. Они могут давать им оценку или придавать образ действиям. Пословицы

также способствуют пониманию собственной и чужой картины мира. То есть, можно говорить о том, что они выступают в роли не только сохранения народной мудрости и в качестве украшения речи, но и так же, как «носитель наборов информации».

Китайские пословицы значительно обогатили язык. С помощью пословиц и поговорок люди могли выражать свои мысли на раннем этапе изучения различных явлений окружающего их мира. Богатое, всеобъемлющее, популярное и глубокое содержание пословиц придало им идеологическое и образовательное значение. Опыт предшествующих поколений, взгляды людей на различные аспекты социальных отношений, жизни человека в целом, мировоззрения различных поколений, эмоции закрепляются в паремиях [8].

Установка культуры является одним из продуктивных понятий лингвокультурологии. Установками культуры можно назвать своего рода идеалы, в соответствии с которыми можно квалифицировать личность как «достойная/недостойная».

В данной работе исследуются установки культуры «взаимоотношения людей» в русских и китайских пословицах. В обоих языках установки культуры «взаимоотношений» имеют крайне большую важность. Пословицы о взаимоотношениях людей отличаются высокой степенью распространённости, так как активно применяются в речи, а также в них заложен высокий оценочный потенциал. Помимо этого, установка культуры о «взаимоотношениях» практически не рассмотрена в научной литературе – ни в русском, ни в китайском языках. Этим и определяется актуальность данной темы.

Гипотеза исследования заключается в том, что пословицы о взаимоотношениях в разных лингвокультурах (в частности, русской и китайской) имеют личные определенные характеристики, а восприятие установок культуры «взаимоотношений» в разных языках и лингвокультурах зависит от того, насколько национальное сознание совпадают или отклоняется от родного языка.

Материалом исследования служат русские пословицы, отобранные из словаря «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (РССПАС) [Котова М. Ю., 2000], включающего активные русские пословицы из паремиологического минимума русского языка; китайские пословицы, отобранные из словарей: «中國諺語大辭典», «俄汉諺語俗語詞典», «現代漢語諺語辭典», «孔子家語», («Большой словарь китайских пословиц», «Русско-Китайский словарь пословиц и поговорок», «Современный китайский пословичный словарь», «Язык семьи Конфуция») [Вэнь Дуаньчжэн, 2011; Е Фанлай, 2016; Вэнь Дуан Чжэн 2012; Ван Су, Хуан Дуньбин ,2017, 2021] и «Национальный корпус русского языка/Национальный корпус китайского языка» Чжи Ши Ван, проверенные в ходе собственного социолингвистического паремиологического эксперимента.

Объектом исследования являются русские и китайские пословицы о взаимоотношениях.

Предметом исследования являются сходства и различия установок культуры «взаимоотношений», которые отражаются в пословицах в русском и китайском языках.

Целью данной работы является выявление сходств и различий установок культуры «взаимоотношения людей» в русских пословицах на фоне китайского языка при помощи семантического анализа.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. Дать определение пословице как объекту для исследования в филологической науке России и Китая;
2. Определить значение теории паремиологического минимума для российской и китайской паремиологии;
3. Объяснить роль тематической классификации пословиц для характеристики языковой картины мира русского языка;

4. Провести социолингвистический паремиологический опрос носителей китайского языка для выявления активных употребительных китайских пословичных параллелей;
5. Проанализировать тематические подгруппы русских пословиц и их китайских употребительных пословичных параллелей тематической группы «Взаимоотношения людей».

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые предпринимается сравнительный анализ китайских и русских пословиц о взаимоотношениях.

Теоретическая значимость исследования. Данная работа вносит вклад в развитие теории установок культуры, в частности установок культуры микро тем «Благодарность – неблагодарность за помощь», «Щедрый подарок – скупой», «Сытый – голодный», «Встреча – расставание», «Сочувствие – равнодушие» и «Начальник – подчиненные», что показывает различия русской и китайской лингвокультур.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании современного русского языка в китайской аудитории, лингвокультурологии, теории и практики перевода, русского языка как иностранного, лингвострановедения и культурологии.

В ходе исследования использовались следующие **методы и приёмы**: метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод и описательно-аналитический метод, метод социолингвистического паремиологического эксперимента, метод частичной выборки из словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Картина мира является значимой частью лингвокультурологии, она формируется в течение исторического пути народа, отражает мудрость народа, сохраняется в памяти общества. В русской и китайской лингвокультурах сегмент картины мира «Взаимоотношения людей» имеет важное значение.

2. В китайских и русских пословицах представляется возможным определить ряд как идентичных, так и без эквивалентных аспектов установок культуры о взаимоотношениях, которые препятствуют общему знанию носителей языков и когнитивных контекстов их мыслей, а также особенности русской и китайской лингвокультур.

Структура работы. Данное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и Приложения.

Первая глава «Теоретические направления исследования тематических групп активных пословиц» посвящена изучению тематических групп активных пословиц. Рассматривается пословица в значении объекта для исследования в филологической науке России и Китая, а также определяется значение теории паремиологического минимума для российской и китайской паремиологии.

Во второй главе дан лингвокультурологический комментарий к русским активным пословицам о взаимоотношениях людей (на фоне китайских пословиц). Выделены несколько лексико-семантических концептов в китайских и русских пословицах и поговорках. Также исследуется функционирование пословиц тематических подгрупп, установки культур и коммуникативные особенности.

В заключении сделаны выводы в соответствии с поставленными задачами исследования.

Глава 1. Теоретические направления исследования тематических групп активных пословиц

1.1. Пословица как объект для исследования в филологической науке России и Китая

Пословицы относятся к народному творчеству, главными характеристиками которого являются вербальность и краткость. В них заключается весь прошлый опыт поколений общества, их происхождения и истории, а также процесс бытовой жизни.

Благодаря пословицам получается более полно и ярко описать явления в окружающем нас мире, а также различные моменты человеческой деятельности. В основном, пословицы всегда отражают оценку мира, и формируют ее в виде полных предложений. В процесс становления государств и развития общества пословицы постоянно впитывали в себя социальный и исторический опыт человека, а также запечатлевали исторические факты разных периодов времени [10].

С точки зрения филологии, пословицы, безусловно, значительно обогатили национальный язык и речь. Люди могли более полно и красочно выражать свои мысли с помощью пословиц и поговорок при изучении различных природных явлений. Они дали глубокое и богатое смысловое содержание пословиц, что придало им идеологическое значение, а также способствовало приобретению значимой образовательной роли.

Опыт прошлых поколений, их взгляды на некоторые аспекты социальных отношений, общее мировоззрение социума в определенные периоды времени, возникающие эмоции – все это находит свое отражение в паремиях [1].

Благодаря трудам таких ученых, как Е. М. Верещагин, В. М. Мокиенко пословицы и поговорки рассматриваются в качестве отдельного направления науки – паремиологии [22].

Паремии имеют свои отличия от фразеологизмов, которые заключаются в смысловой и интонационной частях, а также обладают синтаксической

членимостью. В основе фразеологизма находятся понятия, а в основе паремий – суждения. Одним из принципиальных отличий фразеологизмов (поговорок) от пословиц является то, что каждая ФЕ (фразеологическая единица) является комплексом постоянного содержания и постоянной формы. Пословица же, в свою очередь, содержит в себе черты фразеологизма и синтаксически свободного содержания параллельно.

В современном мире большую популярность приобрело изучение фразеологизмов в сопоставительном аспекте, которые в составе имеют компонент – зооним в различных языках [2]. Однако, часто исследователи не проводят границы между паремиями и фразеологизмами. При этом отметим, что требуется сопоставительное исследование языковых единиц, одинаковых по эквиваленту, не только по форме, но также и по функции, которая в ней заключается. Семантически фразеологизмы отличаются от пословиц тем, что они называют отдельные явления и предметы. В свою очередь, крылатые выражения и пословицы рассказывают об отношениях между предметом и явлением [4].

Пословица является кратким выражением, которое описывает житейскую народную мудрость. С помощью оценки они интерпретируют определенную ситуацию. Пословица является народным кратким суждением, обладает малой формой и законченностью мысли.

В пословице событие описывается полностью и не оставляет возможности другого развития ситуации.

Ежедневно в своей речи человек употребляет и пословицы, и поговорки. Вне зависимости от национальности, почти к каждому событию в нашей жизни мы можем подобрать пословицы, так как они обладают большим разнообразием тематик. Например: семья, дружба, любовь. С помощью пословиц и поговорок получается более полно иллюстрировать образ жизни человека, его географическую принадлежность, традиции нации, транслировать культуру. Несомненно, это накладывает отпечаток на

литературный и бытовой языки в культуре каждого народа, тем самым обогащая его.

Это справедливо и по отношению к китайскому языку и культуре. Следует отметить, что объем работ по китайской фразеологии весьма обширен. Он включает в себя многочисленные словари идиоматических выражений, статьи по изучению китайского как второго языка, работы в области изучения метафор, корпусной лингвистики и тому подобное. Однако попытки сосредоточиться на различении идиоматических фраз, характерных для китайского языка, не получили широкого распространения.

Лингвисты Китая почти всегда воспринимают состав фразеологизмов в широком плане (Ма Гофань, Мо Пэнлинг, Шао Цзинминь и т. д.). Это можно объяснить особенностями происхождения речевых единиц, а также содержанием их функционала. Статус китайской ФЕ всегда должен отвечать следующим критериям:

- 1) Фразеологизм должен использоваться в определенный период времени, а также должен обладать определенной неизменной структурой;
- 2) Большое количество составных компонентов словосочетания согласуется с одногласной чертой древнего китайского языка. При этом некоторым из них удается сохранить отличительные особенности его грамматики.

Китайские исследователи выделяют пять типов фразеологизмов в китайском языке:

- Чэньюй (идиомы),
- Яньюй (поговорка, пословица),
- Сехоуэй (недоговорки-недосказания),
- Суюй (пословица, поговорка),
- Гуаньюньюй (собственно, сами фразеологизмы) [6].

В настоящем параграфе мы предпримем попытку рассмотреть «яньюй» и «суюй», во-первых, выделяя их среди других устойчивых выражений,

присутствующих в китайском языке, и, во-вторых, определяя их характерные черты. В исследованиях по этому вопросу наблюдается непоследовательность в применении китайских терминов к устойчивым выражениям, а тем самым и к пословицам, что приводит к тому, что объем китайских пословиц «суой», в частности, определяется бессистемно, и, как следствие, появляется размытость между «суой» и другими подобными китайскими выражениями. Ввиду того, что в отношении «яньюй» меньше вопросов, термин «суой» вызывает больше проблем относительно того, что может быть переводным аналогом «пословицы».

Помимо отдельных слов, китайский лексикон включает в себя устойчивые выражения, из которых общий термин, за исключением имен собственных и жаргонных терминов, называется «шуйюй» (熟语) (букв. «знакомые выражения»). Сфера применения «шуйюй» определяется по-разному. В словаре китайских пословиц Дж. Росенова «чэньюй» (成语), «яньюй» (谚语), «геян» (格言), «сехоуяй» (歇后语) перечислены как примеры «шуйюй», таким образом, не исчерпывая их полностью [Rohsenow, С. 64]. При этом «шуйюй» (熟语) состоит из пяти типов устойчивых выражений: «чэньюй» (成语), «яньюй» (谚语), «сехоуяй» (歇后语), «гуаньюньюй» (惯用语) и «суой» (俗语). В их сфере действия входят полуфиксированные формульные выражения, такие как «чэньюй», «сиюй» (习语), «гуаньюньюй» и «суой». Данные термины проблематично определить. Тем не менее, «яньюй» определяются как «пословицы», «суой» – «изречения из пословиц», «геян» – «изречения», «сехоуяй» – «загадочные народные сравнения» или «усеченные остроты» и «чэньюй» – «идиомы, состоящие из слитных фраз», все эти выражения могут быть приняты за «шуйюй» [Rohsenow, С. 69].

Й. Хуан определяет «суой» как сложные предложения или предложения с фиксированной структурой, которые не трансформируются при употреблении, и предлагает деление на те, которые содержательно выражают какие-то идеи или понятия, но не служат предложениями в грамматическом

смысле, и те, которые выражают законченную мысль и имеют форму полного предложения [41, С. 15]. Так, в первую группу входят «чэньйой», «гуаньюньйой» и «сехоуэй», поскольку они составляют лишь словосочетание, а в другую — «яньюй» и «геян», поскольку они сами - самостоятельные предложения. При этом автор относит к категории фиксированных предложений, то есть неполных предложений, имена собственные, «чэньйой», «гуаньюньйой» и «сехоуэй» [41, С. 16]. Что отличает первый от трех других, так это то, что имена собственные не принадлежат к формульному языку.

Дж. Ваткинс выработал четыре черты, общие для всех видов «шуййой»: фиксированная структура (составное словосочетание), некомпозиционность (значение не является суммой значений составляющих его частей), двухуровневое значение (образное и буквальное значение) и обильное содержание, выраженное более живо и резко, чем обычно, на буквальном уровне [48, С. 41]. Первая особенность не относится ко всем типам «шуййой», и вывод о значении некоторых из них опирается исключительно на их составные составляющие. Несмотря на это, кроме того, многие из всех типов «шуййой» обычно используются пользователями языка.

В обсуждениях состав «шуййой» представлен не последовательно. Это связано с расплывчатыми объяснениями его членов, которые различаются в литературе, связанной с этой темой. Таким образом, их сопоставление может помочь распознать сходства, которые стирают демаркационные линии, и различия, которые их устанавливают.

«Суййой» и «сехуа» (俗話) считаются синонимами. По словам Лу, образцовым суййой является яньйой, и его можно перевести как «поговорка» [Shuxian 1989: 119]. Д. Жань представляет два понятия суййой: одно в «более широком смысле», которое включает «яньюй», «гуаньюньйой», «сехоуэй» и диалектные поговорки (方言俚語), также выражения, воспринимаемые в «узком смысле», относящиеся к любому фиксированному предложению, которое распространено и обладает яркостью [52, С. 21]. При этом «суййой», «яньюй» и «сехоуэй» должны быть отделены друг от друга, поскольку это не

одно и то же. В конце концов, поскольку эти три названия несколько пересекаются, суюй должны включать в себя большую часть яньюй и небольшую часть сехоуэй. По мнению Д. Вэня, понятие «суюй» должно включать «яньюй», «сехоуэй», «гуаньюньюй» и «чэньюй», употребляемые в разговорной речи, но не должно включать диалектные выражения (方言詞), «чэньюй» формального стиля и афоризмы, берущие свое начало в классике (名言警句) [49, С. 75].

Похоже, что наиболее частая путаница происходит между терминами «суюй» и «яньюй». Дж. Росенов приписывает «яньюй» русский аналог «поговорка» и определяет его как грамматически полное предложение, выражающее наблюдение, мнение или мудрость, передающиеся из уст в уста и относящиеся к общему опыту данной группы людей, говорящих на одном языке [46, С. 101]. «Суюй» также являются распространенными формульными выражениями, однако, на структурном уровне они не образуют полного предложения. Более того, они просто служат описанием, в отличие от «яньюй». Это согласуется с мнением Тао: «яньюй» образует полное предложение, а «суюй» — нет; «яньюй» передают мудрость жизненного опыта, а «суюй» просто описывают положение дел. Пример «суюй», приведенный Тао, — это 喝西北风 «пить северо-западный ветер», который должен показать, что «суюй» не образует полного предложения. Вышеприведенное выражение является «гуаньюньюй», частично ошибочно (как будет видно ниже), «гуаньюньюй», относящимся к сфере действия «суюй», согласно мнению В. Шуся [Chuhsia 2015: 104]. Тем не менее, в соотношении «суюй» и «яньюй» выделяются два различия – структурное и функциональное.

Структурно может быть трудно определить, является ли данное формульное выражение «яньюй» или «суюй», поскольку оба являются фиксированными предложениями (固定语句). Они позволяют лучше понять те или иные явления в обществе и природе, побуждают к добру и предостерегают от зла. У «суюй» отсутствуют эти черты, поскольку они несут

лишь лингвистически-эстетические функции. Например, вместо того, чтобы говорить, что кто-то «несчастлив» или «сердит», можно выразить то же самое, просто произнеся:

1. 鼻子不是鼻子，臉不是臉 (Бицзы буши бицзы, лянъ буши лянъ) – «Нос не нос, лицо не лицо».

Как «яньюй», так и «суюй» характеризуются ярким стилем, но «яньюй» предназначен для распространения и запоминания его содержания, а не просто для украшения высказывания.

Тем не менее, что касается примеров «суюй» и «яньюй», приведенных Вангом, которые должны сопоставить их различия в функциях, можно увидеть, что критерий не суммируется. Пословица, обозначенная как «суюй»:

2. 墙头草，随风倒 (Цян тоу цао, суй фэн дао) – Трава на вершине стены будет гнуться от ветра. Описание того, кто меняет свое положение в зависимости от обстоятельств (например, когда кто-то опирается на кого-то с властью, если его положение неустойчиво), едва ли можно назвать стилистическим приемом. С другой стороны, данное выражение параллельно объясняет человеческие поступки и учит нравственному поведению. Таким образом, хотя попытки предоставить критерий для различия между яньюй и суюй кажутся обоснованными, с практической точки зрения эти обороты все еще трудно разделить.

В пример можно привести следующее выражение:

3. 兔子不吃窩邊草 (Туцзы бучи во бянъ цао) – Кролик не ест траву возле своей норы. Данное выражение считается «суюй», а также «яньюй», потому что оно выполняет одновременно описательную и моральную функцию, объясняя, что никто не совершает преступлений на своей территории. Тем не менее, Тао также приводит несколько примеров «чэньюй», которые являются «яньюй» ввиду того, что они выполняют моральную функцию. Этого объяснения недостаточно, чтобы описать чэньюй как яньюй, учитывая существенные различия между ними. По этой причине нельзя признать такую позицию справедливой для вышеупомянутой пословицы. Из

вышеизложенного следует вывод, что даже содержательно различить суюй и яньюй сложно.

Другая точка зрения такова: суюй включает если не весь, то хотя бы часть яньюй. Кроме того, в древности поговорки вообще назывались «суян» (俗諺), потому что оба термина тогда считались синонимами.

Также следует отличать «яньюй» от «геян». Важнейшим отличительным моментом является то, что «геян» не исходили «из уст народа», в отличие от «яньюй», которые передавались устно. «Гейан» произошли от произведений влиятельных авторов, и из-за их элегантного стиля они используются в основном в письменной форме. Главное отличие «яньюй» от «геян» Дж. Росенов видит в том, что последние являются цитатами (т. е. имеют конкретного автора) [Rohsenow2003, С. 54]. Более того, в силу своего происхождения от известных литературных произведений они не связаны с разговорной речью, в отличие от «яньюй».

Не исключено, что такое изречение может стать пословицей — так бывает, когда афоризм о жизненном опыте или мудрости становится более просторечным в силу общеупотребительного использования в повседневном языке. Изречение может «потерять» своего автора при устном распространении среди носителей языка, которые начинают верить, что это пословица, «расхожее изречение». Это явление можно проиллюстрировать фразой Ницше «что тебя не убивает, то делает тебя сильнее» или 三人行必有我師焉 (Сань жэнь син бию во ши янь) «когда трое идут вместе, один должен быть моим учителем».

Что же касается сравнения «чэньюй» и «яньюй», то они оба являются распространенными устойчивыми выражениями. Но «яньюй» отражают жизненный опыт и социальные стандарты, служат заклиниванием или предостережением, а чэньюй просто выражают мысль, но не веру, не содержат объяснения, поэтому никогда не являются моральными предписаниями. Еще одно важное отличие заключается в том, что, так как «чэньюй» выражают общую идею, то их структура и компоненты фиксированы, ввиду своей

конструкции они служат лишь составной частью предложения и редко — законченным предложением; в отличие от «яньюй», которые представляют собой независимые законченные предложения и выражают суждение или линию рассуждений. Таким образом, с точки зрения структуры яньюй являются самостоятельными предложениями, а чэньюй, с другой стороны, являются исключительно составной частью предложения.

Дж. Росенов подчеркивает, что на стиль «чэньюй» повлиял классический китайский язык текстов прошлого, отсюда и их формальный регистр [Rohsenow 2003: С. 57]. При этом «чэньюй» происходят в основном из классики, но также указывает их источник в «суюй». Различается два типа «чэньюй»: во-первых, те, которые относятся к формальному письменному языку, и, во-вторых, те, которые относятся к повседневному разговорному языку, которые на основании частого использования могут быть классифицированы как «суюй». Это один из случаев, когда термин «суюй» использовался неправильно — здесь он был принят за термин, означающий просто разговорную фразу, которая используется ежедневно. В китайском стиле пословицы, как правило, более народные, чем стиль идиом.

Отличительной чертой «чэньюй» в основном является их краткость, образованная преимущественно в четырехзначной структуре. Таким образом, становится проблемой отличить пословицы, состоящие из четырех иероглифов, от «чэньюй». Ван, как и Дж. Росенов, предполагает, что именно контраст между стилями 雅 «элегантный» и 俗 «вульгарный» разделяет «чэньюй» и «суюй» соответственно. Четырехсимвольные «суюй» иногда называют «сученгю» (俗成語). Тем не менее, благодаря манере су 俗, они должны оставаться «суюй». Однако, помимо происхождения и формального стиля «чэньюй» — как «описательных литературных фраз, отсылающих к древней басне», — от пословиц их отличает краткая и фиксированная форма.

Поскольку «сехоууй» — это явление, характерное для китайского языка, трудно найти эквивалент в английском переводе. Тем не менее, Дж. Росенов предлагает переводить «сехоууй» как «загадочные народные

сравнения» или «усеченные остроты». Обычно они определяются как аллегорические высказывания, состоящие из двух частей, первая из которых носит описательный характер, обычно перед ней стоит глагол, заключающий в себе сравнение, за которым, в свою очередь, следует последующее предложение, разрешающее значение метафоры. Обычно только первая часть произносится как введение ко второй, отсюда и название «сехоуэй», буквально «фраза, в которой последняя часть отсутствует». В пример можно привести следующие изречения:

4. 屬鴨子的 – 就剩兩片嘴 (Шу яцзы дэ – Цзю шэн лянпянь цзуй) – «Уток два клюва». Указывает на болтливую и красноречивую человека.

5. 屬鴨子的 – 渾身肉煮爛了, 嘴還煮不爛 (Шу яцзы дэ – Хуньшэнь жоу чжу лань лэ, цзуй хай чжубу лань) – «[При приготовлении] утки, хотя ее мясо полностью приготовлено, ее клюв еще не проварен». Человек, который уже проиграл, но не уступает.

6. 屬鴨子的 – 兩片嘴愛怎麼扁就怎麼扁 (Шу яцзы дэ – Лянпянь цзуй ай цзэньмэ пянь цзю цзэньмэ пянь) – «Утки с двумя клювами сочиняют истории по своему усмотрению». Выражение относится к человеку, чьи слова не вызывают доверия, потому что им не хватает точности. Это показывает, что без второго предложения невозможно определить какое значение имелось в виду. Однако в случае более частого употребления «сехоуэй» можно произнести только первое предложение и утверждать, что значение можно вывести. Однако бывают и обратные случаи:

7. 癩驴配破磨 – 天生的一對 (Цюэ люй пэй по мо – Тяньшэн дэ и дуй) – «Хромой осел и сломанный точильный камень – пара, созданная друг для друга»;

8. 綉球配了個牡丹 – 天生一對 (Сюцю пайлэ гэ мудань – Тяньшэн дэ и дуй) – «Гортензия и пион – пара, созданная друг для друга».

Мы видим, что в последних двух выражениях отличается первая часть. Оба употребляются для обозначения пары людей, обладающих схожими свойствами, но первое в отрицательном смысле, а второе в положительном.

Ввиду структуры «сехоуэй» можно было бы предположить, что его значение представляет собой сумму значений его составных частей, но это не так, поскольку эти два предложения имеют разный приоритет. Действительно, обычно именно вторая часть служит координационным центром, а первая лишь поддерживает его. Однако с учетом примера можно сделать вывод, что иногда именно первая часть «сехоуэй» имеет значение:

9. 泥菩薩過河 – 自身難保 (Ни пуса го хэ – Цзышэнь нань бао) – «Статуя Бодхисаттвы, сделанная из глины, не может спасти себя, когда переходит реку вброд». Даже тот, кто обычно спасает других, не в состоянии спасти себя, когда обнажается его самое слабое место. Д. Вэнь классифицирует это выражение как суюй на основании острой манеры су [49, С. 123].

Существует большое структурное различие между пословицами и «сехоуэй» из-за отличительной формы последней. Более того, риторика «сехоуэй» основана на юмористической стилистике.

Д. Вэнь дал другое название «гуаньюньюй», а именно «сигуаньюньюй» (习惯用语), и определил их как идиоматические выражения, состоящие в основном из трех, иногда четырех знаков. Разница между «гуаньюньюй» и «суюй» (образцом которой является «яньюй») состоит в том, что последний дает причину или объяснение, в то время как первый просто предоставляет аналогию ситуации, и это необходимое условие, чтобы понять смысл метафоры. Если вспомнить разницу в функциях между «яньюй» и «суюй», представленную ранее, то можно увидеть, что она опровергает это замечание [49, С. 125].

По структуре «гуаньюньюй» можно разделить на два типа: первые представляют собой полные предложения, выражающие законченную мысль, поэтому по структуре они такие же, как «яньюй». С функциональной точки зрения «гуаньюньюй» носят исключительно описательный характер, но все же часто считаются «яньюй» или «суюй». Примеры таких «гуаньюньюй», следующие:

10. 生米煮成熟飯 (Шэнми чжучэн шоу фань) – «Готовить сырой рис».

Что сделано - то сделано.

11. 哪壶不开提哪壶 (Наи ху букай ти наи ху) – «Возьмите чайник, в котором вода не закипела». Выпалить чью-то слабость.

Другой тип «гуаньюньюй» относится к фразам, в основном состоящим из семи-восьми персонажей, не выражающих мнения. Те не относятся ни к «яньюй», ни к «сехоуюй», но с учетом их реестра, видимо, должны считаться сухой. В пример «гуаньюньюй» можно привести следующие выражения:

12. 碰钉子 (Пэн динцзы) – «Ударить гвоздем». Встретить отпор.

13. 喝西北风 (Хэ сибэйфэн) – «Пить северо-западный ветер». Быть холодным и голодным, жить воздухом.

14. 不管三七二十一 (Бу гуань сань ци эр ши и) – «Не имеет значения, что трижды семь — двадцать один». В любом случае.

15. 不知葫芦里卖的什么药 (bùzhī húlu lǐ mài de shénme yào) – «Никто не знает, какое лекарство продается в бутылочной тыкве». Один подозревает обман, спланированный другими.

Данный подход несостоятелен – он предполагает неверное значение «сухой» (широкий смысл) и, как следствие, ошибочно относит все четыре вышеперечисленных выражения к «гуаньюньюй», принадлежащим к «сухой».

Вышеупомянутое является частным случаем, когда любое выражение, состоящее из более чем трех (максимум четырех) символов, считается гуаньюньюй. Дж. Розенов заявляет, что «гуаньюньюй» скорее состоит из трех иероглифов [Rohsenow 2003: С. 60]. Тогда можно предположить, что структурно «гуаньюньюй» и «сухой» различаются.

Как упоминалось ранее, «шуюй» определяются их постоянством. Однако, в то время как это верно, скажем, для «чэньюй», элементы которого действительно остаются в фиксированном словосочетании, «гуаньюньюй» может трансформироваться, например, вместо «ударить гвоздем» можно сказать «ударил по большому гвоздю» или «ударить по твердому гвоздю». Таким образом, «гуаньюньюй» могут появляться в своей основной форме или

в одной из многих модифицированных форм в результате включения дополнительных морфем в их основную структуру.

Уже вошло в поговорку, что у каждой пословицы есть противоположность. Для каждого «Время-деньги» есть «Остановись и понюхай розы». Когда кто-то говорит: «Никогда не зайти в одну реку дважды», кто-то уже ответил: «Нет ничего нового под солнцем». В китайском языке пословицы тоже могут противоречить друг другу, но это не является проблемой — в жизни встречаются разные обстоятельства, и естественно не стоит относиться к какому-либо принципу как к универсальному. Бессвязное содержание пословиц возникло из-за их происхождения из разных обществ и периодов, поэтому их тематика неизмеримо обширна.

Некоторые суюй вульгарны. Д. Лю утверждает, что слова, содержащие вульгаризмы или другое неприемлемое содержание, не включаются в глоссарий [46, С. 100]. Есть также, как их называет Д. Вэнь, «негативные» (т. е. поощряющие аморальное поведение). Более того, некоторые «суюй» выступают за определенные идеологии, такие как феодализм, фатализм, материализм или отношение «*carpe diem*» [49, С. 126].

Подавляющее большинство пословиц — это коллективное произведение, за которым не стоит конкретный автор. Некоторые из них носят явно философский характер, например, «геян» и «цзинджу» (警句). Однако, в отличие от последних двух, они по большей части не происходят из классики. Пословицы играли важную роль в неграмотных сельских культурах, где знания основывались на устной традиции. Народный стиль «суюй» позволяет воссоздать лингвистическое мировоззрение среднего пользователя языка. По своей неизмеримо разнообразной тематике они имеют обширное применение, так как были у всех на устах, от императора, ремесленников и купцов, до крестьян.

Китайские литераторы проводили различие между письменным языком, считающимся 雅 «элегантным» и разговорным языком, то есть 俗 «вульгарным». Это разделение сохраняется и по сей день, когда произведения,

написанные на классическом китайском языке, отличаются от произведений, написанных в разговорном стиле. «Суюй» распространялись из уст в уста многих поколений, отсюда и явный народный стиль. Они поддерживали су 俗 (т.е. посредственный, обычный стиль). А то, что су 俗, не может быть возвышенным и литературным, вопреки стилю классики. Что кажется парадоксом, так это когда классическое становится популярным: в какой-то степени оно не су 俗, потому что оно классическое, а в какой-то степени оно су 俗, потому что оно популярно. Только с диахронической точки зрения становится понятно, что пословицы, которые в настоящее время кажутся архаичными, когда-то были выражены разговорным языком.

Вышеупомянутые сравнения с другими типами «шуюй», возможно, уже подразумевали некоторые аспекты структуры пословиц — например, то, что они представляют собой фразы или предложения (простые, сложные или составные) относительно фиксированные, состоящие как минимум из четырех символов. Они, конечно, не могут быть слишком длинными, они должны быть краткими и лаконичными. Они представляют собой композицию, образованную частым произнесением при выражении общепринятой в сообществе мысли. Одна и та же пословица может встречаться в разных формах: некоторые содержат разную лексику, другие выражают одно и то же понятие другими средствами. Иногда корреспондент представляет собой обрезанный вариант, в котором может быть дополнительная фраза, иногда синтаксис переключается, а смысл остается. Это явление, характерное для пословиц, называется варьированием.

Вариация является подвидом синонимии. Как указывает М. Чжан, критерием того, что данная пословица является вариантом данной пословицы, является то, что она должна выражать одно и то же содержание при использовании эквивалентного метафорического образа, а остальные различия не должны быть слишком противоречивыми [37, С. 2]. Встречаются разные варианты пословиц, мы приведем лишь некоторые из них.

Один тип, который можно назвать качественным, – это когда в вариации одно слово заменяется другим, а значение целого остается неизменным. Два случая соответствуют этому виду вариации, и первый случай, когда заменяемое слово является синонимом. Пословица:

16. 没吃过猪肉，也见过猪走 (méi chīguò zhūròu, yě jiànguò zhūzǒu) – «Хотя свинину никогда не ел, но видел, как шевелится свинья». Это фраза, описывающая кого-то, кто обладает знаниями, полученными благодаря косвенному опыту. Вышеупомянутое происходит в варианте, где вместо 走 «ходить» используется лексема 跑 «бежать». «В районе, где местное употребление приняло характер, означающий «бежать» как эквивалент любого процесса, это слово заменяет 走 в конце только что процитированной пословицы, портя рифму и ничего не добавляя к смыслу».

Второй случай – это когда слово и его аналог в варианте пословицы принадлежат к одной и той же когнитивной области. Следующие версии показывают вариативы той же пословицы:

17. 一枝动，百枝摇 (Yīzhī dòng, bǎizhī yáo) – «Когда шевелится одна ветвь, сто ветвей трясутся».

18. 一叶动，百枝摇 (Yī yè dòng, bǎizhī yáo) – «Когда шевелится один лист, трясутся сотни ветвей».

19. 一枝不动，百枝不摇 (Yīzhī bù dòng, bǎizhī bù yáo) – «Если одна ветвь не двигается, сто ветвей не качаются».

Несмотря на незначительные изменения лексем, смысл целого остается, изменение, происходящее в части, не влияет на целое.

Некоторые количественные изменения включают небольшие изменения лексем, которые изменяют их значение:

20. 最妒不過的是婦人心 (Цзуй ду буго дэши фужэнь синь) – «Нет ничего более завистливого, чем сердце женщины».

21. 最毒不过的是妇人心 (Zuì dú bùguò de shì fù rénxīn) – «Нет ничего более ядовитого, чем сердце женщины».

В другой совокупности примеров небольшое изменение может даже изменить смысл:

22. 人无害虎心，虎有伤人意 (Rén wú hài hǔ xīn, hǔ yǒu shāng rényì) – «У людей нет намерения причинить вред тиграм, но у тигров есть намерение причинить вред людям». Хотя у человека может и не быть плохих намерений, плохие люди все равно могут причинить ему вред.

23. 人无害虎心，虎无伤人意 (Rén wú hài hǔ xīn, hǔ wú shāng rényì) – «Если у людей нет намерения причинить вред тиграм, то и у тигров не будет намерений причинять вред людям». Если человек не причинит вреда другим, то и он не пострадает.

Второй, количественный вид вариаций пословиц предполагает приостановление одного из предложений (апокопы). Когда обе части двуступенчатая аналогичны, нет необходимости повторять обе. Можно просто произнести первое предложение пословицы:

24. 狗改不了吃屎，狼改不了吃人 (Гоу гай буляо чи ши, лан гай буляо чижэнь) — «Собаки не могут не есть экскременты, волки не могут не есть людей». Злодеи не могут изменить свою злую природу.

Ниже приведен случай, когда в пословице оба предложения используют избыточность для иллюстрации одной и той же идеи, а ее вариант состоит из одного из предложений и другого аналогичного предложения:

25. 远水救不了近火，远亲不如近邻 (Юань шуй цзюбуляо цзинь хо, юаньцинъ бу жу цзиньлинь) – «Далекая вода не потушит ближний огонь; дальний родственник не так хорош, как близкий сосед».

26. 遠親不如近鄰，近鄰不如對門 (Юаньцинъ бу жу цзиньлинь, цзиньлинь бужу дуймэнь) – «Дальний родственник не так хорош, как близкий сосед; близкий сосед не так хорош, как тот, кто живет напротив».

Китайские пословицы принимают разные формы и используют множество литературных приемов. Обычно как предложения, состоящие не менее чем из двух придаточных предложений, они образуют все виды предложений: сложносочиненные, условные и т. д. Однако, для сохранения

краткости, союзы могут быть опущены. По этой же причине многие слова в пословицах имеют односложную форму. Иногда они отмечены неравномерностью, но отличительной формой среди остальных является параллелизм. «Формальный грамматический параллелизм обычно возникает, когда одна и та же структура повторяется для контраста или сравнения», как в отрывке из «Рассуждений о состояниях»:

27. 从善如登，从恶如崩 (Cóng shàn rú dēng, cóng è rú bēng) – «Следовать за добром – значит подниматься; следовать за злом – значит падать».

Вэнь Дуан Чжэн приводит примеры антитетических параллелизмов, созданных с помощью антонимов как в «яньюй», так и в «суюй» (61, С. 1–10). При этом необходимо привести следующие примеры:

28. 天上众星皆拱北，世间无水不朝东 (Tiānshàng zhòng xīng jiē gǒngběi, shìjiān wú shuǐ bù cháo dōng) – «Все звезды небесные приветствуют плуг; каждый поток течет к Восточному морю». Все определено.

Антитеза в китайских пословицах выявляется скорее на лексическом уровне – части речи слов соответствуют в обоих предложениях, а их значения антонимичны. Кроме того, параллельное предложение может иметь аналогичную тональность, что вовлекает субъекта рифмовки, а это, в свою очередь, облегчает запоминание.

В исследованиях по китайской фразеологии оказались едва согласующимися подходы к определению объема «шуюй» и определению его членов. Неправильная классификация типов «шуюй» приводит к ненужной путанице, потому что, в конце концов, появляются однозначные детерминанты для идентификации «чэньюй», «геян», «сехоуюй», «гуаньюньюй», и их можно легко отличить друг от друга, а также от «суюй» и «яньюй», которые могут рассматриваться как «пословицы». С другой стороны, последние тонко дифференцируемы по следующим двум причинам.

Первая причина в том, что термин «суюй» используется неоднозначно. Иногда им обозначают «шуюй», имеющие разговорный регистр (другими

словами, любое распространенное устойчивое выражение с манерой су), отсюда случаи, когда неформальные «чэньюй» или «иньчжуй», а также часть яньюй выделяются в сферу «суой». Данное употребление термина несостоятельно с учетом различия типов «шуйюй».

Второй фактор касается того простого обстоятельства, что предложенные критерии отождествления «суой» и «яньюй» не совсем правдоподобны. Структурно они оба образуют самостоятельные словосочетания, возможно, предложение, простое, составное или сложное. По их содержанию трудно однозначно определить, какая из двух функций преобладает в данной поговорке: описательная, приписываемая «суой», или педагогическая, приписываемая «яньюй». Следовательно, даже если этот определитель кажется верным, на практике его может оказаться недостаточно. Ведь у «суой» и «яньюй» много общего — у обоих схожая структура, которая может претерпевать вариации, иногда они служат моралью, иногда наставлением, но всегда стилистически украшают бытовую речь. Более того, они используют те же фигуры речи, что и метафоры, имеют разговорный регистр и являются следствием устной народной традиции.

Полагаем, что нет особых причин не воспринимать «яньюй» и «суой» в качестве синонимов. Однако из этого не следует, что знание их отличий нецелесообразно. Обозначение явления не обязательно означает его понимание, но введение понятия может быть полезным, если оно позволяет избежать возможного неправильного использования. В то же время «суой» и «яньюй» частично пересекаются, где их пересечение включает поговорки, неотличимые между «суой» и «яньюй», ибо может быть вопрос неразрешимого толкования, к какой группе они принадлежат.

Пословицы и поговорки являются важной частью китайского языка. Но исторически сложилось так, что поговорка и пословица в китайском языке не имеют строгого разграничения. Как известно, главными источниками появления поговорок и пословиц в Китае являются литература и народное творчество. Одна только история китайской письменности насчитывает около

3500 лет. На протяжении большого количества столетий китайский народ записывал и сохранял свои наблюдения в форме поговорок и пословиц, принадлежащих мудрецам. Особое внимание и значение в истории происхождения пословиц отдается периоду конфуцианского учения как главного на всей территории государства на протяжении долгого времени.

Также была выявлена функция и семантика в паремиях, которые принадлежат персонажам даосского и буддийского учения. К ним можно отнести бессмертных, Будд, бодхисатв и т. д. Безусловно, это находит свое место в филологии.

Национальный менталитет китайцев ярко демонстрируется при отражении особенностей быта, истории и происхождения культуры, что, собственно, и проявляется в пословицах. Одним из главных значений пословиц в филологическом плане является оценка объективных явлений и событий реального мира со стороны народа. Таким образом, показывается мировоззрение общества.

С помощью пословиц можно выразить определенный склад ума, который свойственен именно этому народу, способы и методы суждения. При таких процессах можно выявить черты быта, духа и характера человека, нравы и обычаи, которые приняты в обществе, а также религиозные взгляды и суеверия [23].

Историческая тайна происхождения пословиц скрывается в них самих. В современном мире большое количество пословиц и поговорок проникли в деловой язык, а также стали частью разных обычаев и традиций, которые принадлежат той или иной нации. Неосознанным является выражение мысли в подобных суждениях, проявляется художественная форма передачи реальности. В качестве примера можем привести: «Лягушки кричат – сеять пора», «Межа – и твоя, и моя».

Все эти паремии заключают в себе важный жизненный смысл. К ним можно отнести бытовые правила, советы, наблюдения за погодными

условиями, определение порядков и стандартов общества [32]. То есть отражаются все области деловой жизни.

В пословицах также нашли свое отражение бытовые и социальные порядки не как сопутствующее обстоятельство, а в качестве непосредственного выражения [9]. Подобные пословицы, которые возникли из бытовой жизни, никогда не выходили за ее рамки, и являются самым древним видом народного изречения.

Таким образом, имеет смысл предположить, что все бытовые правила, к которым относятся правила распорядка жизни, были выражены в формулах пословичных суждений.

С помощью пословиц и поговорок, а также их глубокого изучения и понимания, можно лучше понять национальный характер человека, его традиции, быт, исторически сложившееся отношение к ситуации. В процессе изучения языка человек соприкасается с культурой другого общества. Важным является определение места фольклора в филологии, а также пословицы и поговорки, так как они являются определенным историческим пластом.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в процессе коммуникации между двумя культурами можно четко выявить национальную специфику пословиц и поговорок, так как русские и китайские народы живут в абсолютно разных социальных и природных условиях, а также имеют разное историческое прошлое, религию, мировоззрение, моральные и этические принципы и др.

1.2. Значение теории паремиологического минимума для российской и китайской паремиологии

На данный момент в лингвистике часто находит свое применение термин «минимум / минимумы» (как пример: лексические минимумы, фразеологические минимумы, грамматические минимумы, функциональные минимумы, паремиологические минимумы).

В помощь пользователям и педагогам русского языка как иностранного методисты сформировали множество различных лексических минимумов. В середине прошлого столетия впервые возникли словари-минимумы и книги для чтения, которые были предназначены сначала для учеников национальных начальных школ и среднего звена. Проблема формирования паремиологического минимума появилась в процессе работы над созданием словарей русских паремий, которая началась в 60-е годы XX века. Именно в этот период времени перед лексикографами в первый раз возник вопрос о тщательном отборе материала для словарей.

Теоретическое объяснение такого определения, как «паремиологический минимум» было дано в трудах Г. Л. Пермякова [25], которые посвящены доказательству имеющему место быть в языке особого паремиологического уровня. Уже в самых первых выступлениях, при рассмотрении паремии как «элемента языкового словаря», выдвигается и обосновывается идея паремиологического минимума.

В пояснениях к анкете, которая была создана для того, чтобы провести социолингвистического эксперимента, ученый предлагает сформировать характеристики и критерии создания подобного минимума. Его критерии были ориентированы на следующие пункты:

- взаимосвязь минимума с задачей обучения русскому языку иностранных студентов. Именно из-за этого в его работах минимум исследовался в качестве надобного для запоминания и освоение языком, определенного набора пословиц, паремий и загадок, которые хорошо знакомы обладателям данного языка.

По мнению Г. Л. Пермякова, минимум является перечнем самых известных и популярных русских народных изречений, при этом обладающим наименьшим объемом, и в то же время включает в себя достаточное количество для понимания текстов на русском языке. Помимо этого, он полагает, что минимум обязательно должен иметь сильную связь с живой разговорной речью или современной публицистикой [25].

На наш взгляд, она могла бы иметь паремиологический минимум, который мог бы оказать значительную помощь студентам, особенно иностранным. Выяснилось бы в лучшем и глубоком понимании русской, классической и современной литературы.

Для двух культур – российской и китайской – в целом критериями включения пословиц в минимум является их общее употребление, их применение в живой разговорной речи и в литературе. Ученые в России обратили внимание, что каждый взрослый, который старше 20 лет, и при этом носитель русского языка знает около 800 пословиц, поговорок, литературных цитат и других изречений [12].

Таким образом, можно сказать, что паремиологическим минимумом является весь паремиологический фонд языка, который краток до минимума возможного. Он включает в себя все ключевые функции, весь паремиологический фонд. Из этого следует, базовый набор его реалий, комплексный набор его логических конструкций и разнообразный набор его лингвистических образов. По паремиологическому минимуму возможно изучать все главные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) в целом.

Если говорить о существующем объеме, то ученые считают, что паремиологический минимум должен в себя включать:

- «1) все главные по смыслу логико-тематические группы и (логико-семиотические);
- 2) комплекс всех базовых видов логических трансформов и правил логического оперирования;
- 3) полный перечень местных реалий;
- 4) все типы паремий;
- 5) комплекс формул, который будет являться достаточным для понимания всех общеизвестных изречений, и при этом который не обладает мотивировкой общего значения, а также для понимания всех форм, которые существуют не только в живой речи, но и в литературе;

- б) все возможные форматы грамматических конструкций;
- 7) омонимические формы разных типов.

В России Г. Л. Пермяковым была проделана большая работа по созданию и формированию паремиологического минимума. В его основу легла методика социолингвистического эксперимента, основываясь на котором были составлены предварительные перечни для русского паремиологического минимума [25].

Этот эксперимент состоял в следующем: информантам был предложен комплекс изречений, который был расставлен по паре миологическим группам, а внутри групп — и по алфавиту. После чего участники эксперимента должны были пометить в нем незнакомые им единицы, зачеркнув их порядковые номера. Помимо всего этого, они дополнили список отсутствующими, с их точки зрения, широко употребляемыми и популярными паремиями.

Информантов просили ответить на вопросы анкеты о количестве известных им народных изречений до чтения анкеты, об их профессии и образовании, о месте проживания до восемнадцати — двадцати лет. Тем не менее, опыт многочисленных исследований выявил несостоятельность столь перспективной идеи Г. Л. Пермякова [25]. Другой ученый, В. М. Мокиенко, указала невозможность хотя бы приблизительного измерения паремийного материала, после чего был сделан вывод, что какого-либо общего минимума, который подошел бы для всех носителей конкретного языка, по всей видимости, не существует [22].

Также паремиологический минимум Г. Л. Пермякова был подвержен критическому анализу со стороны других ученых, которые указали на несоответствие данного минимума действительным блокам русской паремиологии, которая отражена в современных словарях и паремиологических собраниях.

Предложенная идея выявления и описания основного паремиологического фонда была поддержана многими другими

исследователями. Ученые считают возможным выявить данный фонд на основе точных подсчётов фиксаций той или иной паремии в соответствующих источниках.

На наш взгляд, В. М. Мокиенко применяет другие трактовки. В свою очередь он указывает на существование «зоны узнавания», которая определит более или менее условное ядро национальной паремиологии [22]. Но и такое ядро, отмечает А. В. Кишин, перемещается и не находит точного места в языковом сознании конкретных носителей языка в зависимости от индивидуального восприятия слова, возникновения в последствие образных и экспрессивных потенций [13].

Также в трудах М. Ю. Котовой появились два новых понятия – «паремиологические универсалии» и «паремиологическая норма» [18].

Паремиологическая единица должна быть наделена перечнем обязательных признаков (универсалий), которые выделяют пословицу среди других единиц, подобных ей, лексических и фразеологических.

Также указывается на то, что паремиологическая норма является одной из самых не изученных в паремиологии в целом. Паремиологический норма и минимум показаны в представлении автора в качестве взаимовлияющих друг на друга явлений.

Будучи общим в употреблении, общеизвестные и воспроизводимые пословицы и афоризмы, которые были выявлены при помощи информантов в процессе многоуровневого социолингвистического эксперимента для определения паремиологического минимума языка, являются нормативным паремиологическим корпусом данного языка. Вследствие чего становятся главным объектом для паремиографического описания во всех типах пословичных словарей [26].

В нашем исследовании будут проанализированы все паремии, которые были выделены из словарей, указанных во введении к диссертации в качестве лексикографических источников материала, помимо тех, что имеют статус «диалектное» и «устаревшее». Все отобранные из китайских словарей

пословицы, для выявления употребительных активных паремий, в ходе написания данной ВКР были нами пропущены через социолингвистический паремиологический эксперимент среди носителей китайского языка (всего в нем участвовало 15 информантов).

Подводя итог, можно сказать, что безусловно, паремиологический минимум является важным явлением для русской и китайской паремиологии. В них заключен определенный, самый распространенный набор паремий, при изучении которого коммуникация между представителями разных наций пойдет быстрее и проще.

1.3. Роль тематической классификации пословиц для характеристики языковой картины мира русского языка

Учитывая, что пословицы представляют собой сущность коллективной мудрости, формировавшейся в течение длительного периода времени, они раскрывают мировоззрение данного языкового сообщества. Пословицы рассказывают нам об обычаях, верованиях и общем мышлении, затрагивая различные темы, они используют риторические фигуры, которые дают представление о том, как воспринимается мир. Вот почему их стоит учитывать при изучении культуры, особенно языковой картины мира.

И как верно указывает Е. В. Иванова, «пословицы составляют вполне обозримый участок языковой системы, позволяющий описать паремийный взгляд на мир достаточно полно и достоверно» [12, С. 16].

Пословицы являются прекрасным учебным материалом для языковой картины мира, так как, будучи культурно-специфичными, отображают мировоззрение данного общества, раскрывают нравы, стереотипы, аксиологию и т. д. Их предмет обширен, касается повседневной жизни, социальных норм, переживаний, знания об окружающей среде, эмоций и т.д. Пословицы в основном имеют социальную функцию; они действуют как советы, предостережения, описания, моральные приказы и запреты, дают

примеры для объяснения запутанных этических правил — иными словами, можно опираться на опыт поколений, выраженный в пословицах.

Паремии представляют языковую картину мира, включающую культурный код народа. Н. Н. Семененко пишет: «Паремии, обладая мотивировочным потенциалом внутренней формы, также нуждаются в исследовании в различных контекстах их употребления, создающих условия для генерирования новых смыслов» [30].

Отметим, что жизненные ценности любой нации имеют свое отражение в паремии и представляют собой целый пласт лексического материала. Здесь можно найти такие темы, как добро и зло, счастье и горе, правда и ложь и другие. Ценности, которые носят абстрактное понятие, имеют не только лексическое значение, но и демонстрируют знания о мире представителя культуры.

Вопросы образования единой классификации паремий были актуальны во все времена. Например, ученый Г. Л. Пермяков обращал внимание на трудности систематизации пословиц, возникающие в связи с «отсутствием единой и сколько-нибудь удовлетворительной классификации изречений» [25, С. 11].

В истории науки невозможно найти классификации пословиц и поговорок, носящей универсальный характер. Существуют разные критерии классификации: по происхождению, по алфавиту, по ключевым словам, по тематическому содержанию. И каждая из этих классификаций имеет свои положительные и отрицательные моменты. [26].

Изучив словари пословиц, Г. Л. Пермяков отметил, что «выделяются следующие типы классификации пословичных изречений:

1. Алфавитная классификация
2. Классификация по опорным словам
3. Монографическая классификация
4. Генетическая классификация
5. Тематическая классификация» [25].

Что касается тематической классификации, то она предусматривает распределение пословиц по темам высказывания, т. е. по наполнению [26, С.11–12].

«Тематический принцип систематизации паремий наблюдается в сборниках самых различных исторических периодов, но ведущим он становится в XX в.», - пишет Н. Н. Семененко [30, С. 24]. Далее автор справедливо отмечает: «Несмотря на кажущуюся очевидность вопроса о тематической отнесенности паремий, даже без углубления в когнитивный аспект исследования, непосредственно в процессе интерпретации значения пословиц мы сталкиваемся с множеством спорных моментов в отнесении той или иной паремии к определенной тематической группе» [30, С. 24–25].

Таким образом, существует множество способов классификации пословиц и поговорок. Мы в нашем исследовании будем придерживаться именно тематической классификации, в соответствии с которой выделяется отдельная тематическая группа «Взаимоотношения людей».

В рамках настоящего параграфа необходимо рассмотреть тематический указатель из словаря РССПАС М. Ю. Котовой. Он разделен на 12 больших категорий, на основе которых появляется возможность определить роль тематической классификации для характеристики языковой картины мира русского языка:

1. Занятия, работа, дело, ученье – Отдых, безделье, лень, невежество;
2. Человек;
3. Характер, психика, нравственность, эмоции;
4. Дом, семья, дети, родители, воспитание;
5. Собственность, хозяин, гость, богатство;
6. Время, терпение;
7. Любовь, дружба;
8. Взаимоотношения людей;
9. Конфликтность;
10. Счастье – беда;

11. Жизнь, смерть, советы;
12. Судьба, бог.

Однако необходимо отметить, что «внутри группы паремии образуют подгруппы, характеризующиеся сходством когнитивных моделей, в основе которых либо находятся общие когнитемы, либо устанавливаются сходные интегративные связи между отдельными когнитивными компонентами структуры» [31, С. 26].

При этом большое количество подкатегорий построены по принципу противопоставления. В пример можно привести группу пословиц, которая будет анализироваться во второй главе настоящего исследования – «Взаимоотношения людей». Данная категория разделена на несколько подкатегорий:

1. Хороший – плохой человек в отношении с другими людьми;
2. Благодарность – неблагодарность за помощь;
3. Единство личности и общества – обособленность личности и общества;
4. Общность, иждивенчество;
5. Щедрый подарок – скупой;
6. Сытый – голодный;
7. Свое – чужое;
8. Встреча – расставание;
9. Смирение – гордость (высокомерие);
10. Сочувствие – равнодушие;
11. Обещание – выполнение обещания;
12. Начальник – подчиненные.

При анализе данных пословиц появляется возможность узнать характер межличностных отношений носителей языка, влияние религии, культуры, социального и экономического развития, а также назидательных и поучительных смысловых значений. Необходимо также понимать, что паремиологическая языковая картина имеет специфику отображать образ

мира и взаимоотношений в общем понимании, таким образом, в ней фиксируются особенности социокультурного взаимодействия членов общества в определенном языковом пространстве. Подтверждается это, в особенности, тематической классификацией паремий в рассматриваемом словаре. При этом пословицы, отвечающие категории «Взаимоотношения людей», можно найти в смежных группах, таких как «Дом, семья, дети, родители, воспитание», «Конфликтность», «Любовь, дружба».

Но данные классификации практически не несут научной ценности, так как по признаку происхождения и тематическому наполнению их не всегда можно соотнести с содержательным аспектом паремии. Их мотивационное происхождение обусловлено удобством их поиска. Однако, содержательный аспект паремии довольно далек от совершенства.

Таким образом, разделение по тематическим группам в русской паремиологии способствует более глубокому пониманию основных ценностей народа. В самых насыщенных по количеству группам заключается характер национальной культуры.

Русские пословицы из некоторых тематических групп классификации РССПАС раздела «Тематический указатель русских пословиц» [С. 182–203] в сравнении с другими языками уже рассматривались такими учеными как А. А. Колпакова, М. Ю. Котова, И. Зимони-Калинина, О.С. Сергиенко, Ли Синь Юнь и др.

Так, М. Ю. Котова в своем исследовании обращается к изучаемой нами тематической группе «Взаимоотношения людей» и сопоставляет русские пословицы данной группы с активными белорусскими и украинскими пословичными параллелями на материале Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц (ЭССАВП) [16, С. 514].

Ученый обращает внимание на то, что самым распространенным типом параллелей при анализе тематической группы «Взаимоотношения людей» на материале ЭССАВП, оказались полные пословичные параллели (89 белорусских и 77 украинских), в результате чего автор делает вывод о том, что

русская пословичная картина мира в данном сегменте, в основном, находит полное отражение в белорусской и украинской пословичных картинах мира.

Белорусские и украинские пословичные параллели с иной образностью, не совпадающей с русскими пословицами - 14 белорусских пословичных аналогов и 12 украинских пословичных аналогов являются знаками идентичных ситуаций. Они демонстрируют специфику внутренней формы белорусских и украинских пословиц, но при этом показывают совпадение оценочных стереотипов одних и тех же ситуаций, обозначенных пословицами трех языков.

Также отмечается отсутствие активной пословичной параллели (наличие в материале шести белорусских и пятнадцати украинских лакун), в результате чего М.Ю. Котова предполагает, что при характеристике ситуаций, зафиксированных русскими пословицами, белорусский и украинский языки пользуются другими языковыми средствами - не на паремиологическом уровне языка, а на других языковых уровнях [16, С. 517].

Еще в одной работе М. Ю. Котова, анализируя главу VIII «Взаимоотношения людей» на примере русских и украинских пословиц, представленных в двух коннотативно контрастных столбцах, особо говорит о роли справочного аппарата в многоязычном словаре славянских пословиц.

«Тематико-идеографическая дифференциация русских пословиц позволяет также убедиться в способности многих из них включаться в разные рубрики. Это свойство пословиц наглядно демонстрируется в другой части справочного аппарата к словарю – в алфавитном индексе слов-компонентов, где указаны тематические главы и их рубрики, в которые включены те или иные пословицы в рассматриваемой группе, таких пословиц с диффузной семантикой двадцать три (из восьмидесяти)», - пишет М.Ю. Котова [18, С. 54].

А. Колпакова, в свою очередь, на основе Русско-славянского словаря пословиц М. Ю. Котовой провела трехязычное русско-болгарское-польское исследование, изучая паремиологические единицы в отношении категории «Любовь» и способы, с помощью которых люди разных культур выражают

свои чувства через пословицы [41, С. 577]. Автор предлагает буквальный перевод пословиц данной славянской группы с целью выявить возможные лакуны и культурно связанные выражения в корпусах европейской культурной памяти, особенно в русском, болгарском и польском языках. В ходе исследования А. Колпакова обращает внимание на то, что выявлено 7 эксклюзивных русских пословиц, которые не нашли эквивалентов в болгарской и польской культурах, 14 из 30 отобранных русских пословиц имеют параллели в болгарском и польском языках, в то время как 20 русских пословиц имеют болгарские паремиологические параллели с различными степенями фрагментации. Есть только три русские пословицы на тему любви, которые отражены исключительно в польской культуре (болгарская лакунарность) и 6 русских пословиц, которые имеют только болгарские параллели (польская лакунарность). Данное сравнение позволяет предположить более тесную связь между русской и болгарской культурами [41, С. 577].

О. С. Сергиенко в своем докладе «Концепции «Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание детей» в русском и украинском пословичном видении мира (на основе нового электронного словаря современных восточнославянских пословиц)» отмечает, что одной из задач лингвокультурологии является представление специфических национальных лингвокультур, то есть особенностей менталитета и стереотипов пословичного видения мира определенного языка или языковой группы. Ученый, изучив IV тематическую группу «Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание», демонстрирует, что паремиологическое видение мира двух восточнославянских языков (русского и украинского) имеет много общего. Так, 82% русских пословиц из этой группы имеют полные эквиваленты среди украинских, большинство из этих украинских параллелей активно используются в современном языке. 9% пословиц имеют либо соответствующие эквиваленты, либо аналоги на украинском языке, а 15% пословиц имеют более одной параллели в украинском языке – обычно как

полный эквивалент, так и аналог. Наличие же паремиологических лакун в таком близкородственном славянском языке, как украинский, подчеркивает как уникальные особенности русского паремиологического фонда, так и особенности русского менталитета [50].

И. Зимони-Калинина проводит венгерские параллели, обращаясь к тематической группе «Время. Терпение» Тематического указателя русских пословиц М. Ю. Котовой. Особая часть исследования посвящена паремиологическому аспекту теории общего центральноевропейского лингвистического пространства. Эта теория подтверждается значительным количеством венгерских пословиц в вышеупомянутой тематической группе, имеющих свои параллели в чешском, немецком, словацком и словенском фольклоре. Автор выделяет сходства и различия между двумя системами классификации пословиц: системой Матти Кууси и М. Ю. Котовой. Статистическое исследование этой тематической категории показало множество параллелей между русскими и венгерскими пословицами с очень небольшой частью пробелов [40, С.17].

О. В. Раина и М. Ю. Котова обратились к лингвистическому видению мира на паремиологическом уровне языка. В данной статье ученые рассматривают тематические группы русского паремиологического минимума и его отражение в различных зарубежных паремиологических корпусах, чтобы поддержать идею о специфике языковой картины мира на паремиологическом уровне. Также применяется и подход контрастивных паремиологических исследований, предложенный В. М. Мокиенко, чтобы продемонстрировать системные характеристики паремиологического уровня выражения: многозначный (синонимичный) и антонимичный [44].

Как мы видим, некоторые тематические группы (в том числе, и изучаемая нами группа «Взаимоотношения людей») обращали на себя внимание российских исследователей в сравнении с другими языками: украинским, белорусским, польским, болгарским, венгерским. Мы, в свою очередь, попытаемся внести свой посильный вклад в исследование активных

русских пословиц тематической группы «Взаимоотношения людей» на фоне пословиц китайского языка.

В связи с этим особый интерес для нашего исследования представляет работа Ли Синь Юнь, которая также обратилась к тематической классификации М.Ю.Котовой, а именно к тематической группе «Судьба. Бог», сравнивая отношения к судьбе в русской, сербской и китайской языковых традициях и, таким образом, выделяла сходства и различия картин мира в воплощенных в языковом сознании трех наций.

В данной тематической группе «Судьба. Бог» в РССПАС выделяется 9 подгрупп:

1. Фатальность прошлого, настоящего и будущего;
2. Объективное – субъективное;
3. Двойственность явлений;
4. Много – мало;
5. Главное – второстепенное;
6. Тайное – явное;
7. Правда – обман;
8. Хорошо – плохо;
9. Бог

Можно заметить, что в подгруппах есть немало категорий-противопоставлений: «Много – мало», «Тайное – явное» и т. п. Ли Синь Юнь предполагает, что это связано с колоссальным объемом тем, которые включены в эту группу. И с помощью противоположных значений проще очертить границы этих групп. Автор в данной группе рассматривала три категории: полные параллели, параллели с отличающейся внутренней формой и лакуны [21, С. 184].

Лиин Юань в своей статье исследует поведенческий портрет воспитанного /невоспитанного человека и отмечает, что проявления корректного/некорректного поведения, отражаемого в русских выражениях, весьма разнообразны. «При этом в подавляющем большинстве пословиц

предстает не образец ожидаемого поведения, а «антиобразец». Семантика подобных может быть обобщена формулой «Не надо поступать следующим образом...» – важной составляющей является сема запрет» [20, С. 98].

Итак, как мы видим, тематическая классификация предполагает распределение пословичных изречений по темам высказывания, т. е. по их содержанию. Изучение картины мира различных этносов позволяет утверждать: специфика воплощения компонентов тематической группы разнится в связи с особенностями ментальности того или иного народа. Принимая во внимание тезис о том, что пословичные изречения могут применяться как инструмент познания национального характера народа, системы его фундаментальных ценностей, полезно проанализировать особенности взаимоотношений людей, представленные в пословичной базе русского и китайского языков. Тем более, что отношения между Россией и Китаем сегодня носят беспрецедентно дружественный и партнерский характер. Они основаны на принципе взаимности: взаимопонимании, взаимопомощи и взаимоуважении. Поэтому, считаем, сравнительное изучение пословиц тематической группы «Взаимоотношения людей» имеет важное значение для взаимопонимания ценностей двух дружественных народов и дальнейшего развития добрососедских отношений.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Даная глава посвящена теоретическому направлению исследования тематических групп активных пословиц.

В первом параграфе мы рассмотрели пословицу как объект для исследования в филологической науке России и Китая.

С помощью пословиц и поговорок, а также их глубокого изучения и понимания, можно лучше понять национальный характер человека, его традиции, быт, исторически сложившееся отношение к ситуации. В процессе изучения языка человек соприкасается с культурой другого общества. Важным является определение места фольклора в филологии, а также

пословицы и поговорки, так как они являются определенным историческим пластом.

В процессе коммуникации между двумя культурами можно четко выявить национальную специфику пословиц и поговорок, так как русские и китайские люди живут в абсолютно разных социальных и природных условиях, а также имеют разное историческое прошлое, религию, мировоззрение, моральные и этические принципы и др.

Во втором параграфе было рассмотрено значение теории паремиологического минимума для российской и китайской паремиологии. Паремиологический минимум является важным явлением для русской и китайской паремиологии. В нем заключен определенный, самый распространенный набор паремий, при изучении которого коммуникация между представителями разных наций идет быстрее и проще.

Третий параграф посвящен роли тематической классификации пословиц для характеристики языковой картины мира русского языка. Паремии отражают особенности национальной истории и мироощущения того или иного народа. Существуют разные способы классификаций пословиц. В исследовании мы будем придерживаться тематической классификации, в соответствии с которой выделяется тематическая группа «Взаимоотношения людей», на изучение которой и направлена данная работа. Разделение по тематическим группам в русской паремиологии способствует более глубокому пониманию основных ценностей народа. В самых насыщенных по количеству группам заключается характер национальной культуры.

Полагаем, что теоретические выводы, сделанные в данной главе, могут послужить основой для практической части работы.

Глава 2. Лингвокультурологический комментарий к русским активным пословицам о взаимоотношениях людей (на фоне китайских пословиц)

Объектом для анализа русских пословиц тематической группы «Взаимоотношения людей» (из «Тематического указателя русских пословиц» как второго раздела «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой) здесь выбраны шесть тематических подгрупп из двенадцати, входящих в эту тематическую группу, а именно:

Тематическая подгруппа 2. «Благодарность – неблагодарность за помощь» (РССПАС: 196);

Тематическая подгруппа 5. «Щедрый подарок – скупой» (РССПАС: 196);

Тематическая подгруппа 6. «Сытый – голодный» (РССПАС: 197);

Тематическая подгруппа 8. «Встреча – расставание» (РССПАС: 197);

Тематическая подгруппа 10. «Сочувствие – равнодушие» (РССПАС: 197);

Тематическая подгруппа 12. «Начальник – подчиненные» (РССПАС: 197–198).

Общее количество анализируемых русских пословиц из РССПАС – 51 паремиологическая единица.

Китайские пословицы, которые являются фоном для тематических подгрупп русских пословиц, привлеченные нами из лексикографических источников, составляют 70 единиц.

Анализ русских пословиц проводится на фоне китайских пословиц, которые мы выявили по китайским словарям и следующим словарям: «中國諺語大辭典», «俄汉諺語俗語詞典» «現代漢語諺語辭典», «孔子家語», («Большой словарь китайских пословиц», «Русско-Китайский словарь пословиц и поговорок», «Современный китайский пословичный словарь», «Язык семьи Конфуция») [Вэнь Дуаньчжэн, 2011; Е Фанлай, 2016; Вэнь Дуан Чжэн 2012; Ван Су, Хуан Дуньбин, 2017, 2021], а затем пропустили через

фильтр социолингвистического паремиологического эксперимента, чтобы выявить активные китайские пословицы, среди носителей китайского языка (15 информантов) и распределили по указанным тематическим подгруппам (страницы фиксации русских пословиц в основном разделе и в тематическом указателе РССПАС даны в Приложении к ВКР в общем списке анализируемых пословиц).

2.1. Тематическая подгруппа «Благодарность – неблагодарность за помощь» русских пословиц и их китайских пословичных параллелей

Как известно, многие концепты, которые впоследствии образуют оппозицию, играют большую роль в формировании национальной картины мира. Это связано с тем, что они отражают повседневную жизнь русского и китайского народа, равно как и их своеобразие [31]. Формирование национальной картины мира тесно связано с пословицами, так как они отражают накопленные знания человека, приобретенные в процессе деятельности различного рода, а также традиции и историю как нации, так и языка.

Прежде чем рассматривать пословицы оппозиции «благодарность – неблагодарность» необходимо определить значение данных концептов для двух народов. Так, в русском языке глагол *благодарить* в соответствии со словарем С. И. Ожегова означает:

1. Испытывать чувство благодарности и признательности;
2. Жестами или словами выражать свою признательность за что-либо [17].

Благодарность является традиционной добродетелью китайской нации. Китайская нация придает большое значение благодарности. В Древнем Китае благодарность использовалась для родителей и учителей и т. д. Например:

1. 鸦有反哺之义，羊知跪乳之恩 (Я ю фаньбу чжи и, ян чжи гуйжу чжи эн): Ворона имеет значение кормления, а овца знает грацию коленопреклонения и кормления грудью.

2. 父恩比山高，母恩比海深 (Fù ēn bǐ shāngāo, mǔ ēn bǐ hǎi shēn.): Доброта отца выше гор, доброта матери глубже воды. Это значит возвышенная и бескорыстная похвала отцовской и материнской любви также учит людей знать, как быть благодарными своим родителям и отблагодарить их.”

Согласно «Большому китайскому словарю» глагол «благодарить» (感恩 гань эн) означает выражение признательности или благодарности за какое-либо действие или услугу посредством речевого акта или соответствующего поведения [3].

Так, в китайском языке благодарность выражается посредством следующих пословиц:

1. 投之以桃，报之以李 (Тоу чжи и тао, бао чжи и ли) – подаришь человеку персик – в подарок получишь сливу;
2. 滴水之恩，當湧泉相報 (Дишуй чжи эн, дан юнцюань сянбао) – каждому человеку нужно быть благодарным за любое добро;
3. 知恩图报，善莫大焉 (Чжиэн тубао, шаньмо да янь) : – каждый человек должен всегда благодарить за оказанную помощь.
4. 一诺千金 (И но цян цзинь) – любое обещание всегда дороже денег.
5. 大恩不言谢 (Даэн буян се) – выражать доброту необходимо не только словами, но и действиями;
6. 好借好还，再借不难 (Хао цзе хао хуань, цзай цзе бу нань) – если вернул долг, то и снова взять займы несложно;
7. 光说不练假把式 (Гуаншобулян цзябаши) – выражай благодарность не только словом, но и делом;
8. 心有余而力不足 (Синь ююй эр ли буцзу) –при всём своём желании не в силах что-либо сделать.

В русском языке о необходимости быть благодарным говорят следующие активно употребительные пословицы:

1. Долг платежом красен;
2. Не плюй в колодец: пригодится воды напиться.

О пренебрежительном отношении к проявлению благодарности свидетельствуют такие активные пословицы, как:

1. Обещанного три года ждут;
2. Спасибом сыть не будешь;
3. Из «спасибо» шубы не сошьешь;
4. На нет и суда нет.

Некоторые пословицы имеют двуплановость семантики, то есть могут характеризовать как позитивную, так и негативную реакцию на какое-либо действие (явление) со стороны:

1. Как аукнется, так и откликнется;
2. Каков привет, таков и ответ.

При этом в русской и китайской культурах человек, который никогда не выражает благодарности, считается невежливым. Однако необходимо отметить, что выражение благодарности в рамках русской и китайской культуры имеет некоторые отличия, которые связаны с традиционным поведением. Так, русский человек благодарит чаще, чем китайский, особенно в рамках бытовых ситуаций. В ситуациях такого рода китайцы либо используют краткие фразы (обычно пословицы, которые приведены ниже), либо вообще не благодарят. Дело в том, что внимание к другому человеку в китайской культуре является аксиомой, поэтому за такое поведение не требуется благодарности, иначе человека примут за чужого. При этом необходимо отметить, что если ситуация требует выражения благодарности, то китайцы используют развернутый вариант с использованием пословиц (投之以桃, 报之以李 (Тоу чжи и тао, бао чжи и ли) – подаришь человеку персик – в подарок получишь сливу, сегодня вы помогаете нам, завтра - мы вам, или 千恩万谢 (Цянь эн вань се) – на тысячу благодеяний необходимо выразить десять тысяч благодарностей, 感遇忘身(Ганьюй ваншэнь) – добродетель не забывается тысячу лет, 一日為師, 終身為父 (Ижи вэй ши, чжуншэнь вэй фу

) : Побывав учителем один день, на всю жизнь получаешь уважение, как к родному отцу.) В Китае ученики должны служить своим учителям с таким же уважением, как своим отцам, и быть благодарными за то, чему их научили, даже если он был вашим учителем всего один день, он должен быть благодарным и уважительным, как отец на всю жизнь.

2.2. Функционирование пословиц тематической подгруппы «Щедрый подарок - скупой» в русской и китайской речи

В рамках российской и китайской лингвокультуры оппозиция «щедрость – скупость (жадность)» играет большую роль. Прежде чем описывать функционирование пословиц данной тематической подгруппы необходимо определить значение данных слов.

Так, в словаре русского языка С. И. Ожегова *скупость* трактуется с нескольких точек зрения:

1. Корыстолюбие;
2. Избегающий расходов, очень бережливый (до жадности) [18].

«Большой словарь китайского языка» определяет слово *скупость* следующим образом:

1. Высокий уровень бережливости к деньгам или вещам;
2. Желание сохранения материального состояния, чтобы его не потерять [3].

Что касается *щедрости*, то в словаре С. И. Ожегова она определяется следующим образом:

1. Стремление оказывать безвозмездную помощь другим;
2. Отсутствие скупости [18].

«Большой словарь китайского языка» определяет щедрость следующим образом:

1. Отсутствие скупости;
2. Решительность и прямота характера;

3. Относиться к людям честно и иметь желание помогать в материальном плане [3].

Как в русском, так и в китайском языке *щедрость* оценивается положительно, так как щедрый человек имеет желание делиться своим богатством или вещами с другими людьми при необходимости. При этом данный концепт может быть связан и со смелым и решительным характером человека. Однако необходимо рассмотреть, как он отражается в русских и китайских пословицах и поговорках.

В РССПАС данной тематической подгруппы представлены активные русские пословицы, которые указывают на то, что подарок ценен тогда, когда его делают вовремя:

1. Дорога ложка к обеду;
2. Дорого яичко к Христову дню.

Через пословицы может выражаться тяжелая жизнь скупого человека:

1. Собака на сене: сама не ест и другим не дает;
2. 贪得无厌 (тань дэ у янь): 贪心永远没有满足的时候 - /букв. Скупой человек никогда не сможет быть довольным/.
3. 铁公鸡一毛不拔 (Тегунцзи и мао бу ба) : 生活中小气, 吝啬, 一毛不拔的人 /букв. Железный петух - ни одного пёрышка не выдернешь; обр. скупой до крайности, среди зимы снега не выпросишь.

При этом в китайском языке присутствуют пословицы о том, что скупость может не иметь конца:

1. 唯利是图 (Вэй ли ши ту) : 貪圖利益, 不顧及其他, 只要有便宜, 什麼事都乾。 /букв. стремиться только к наживе; погоня за прибылью;/ В древнем Китае, будь то скупой или богатый человек готов сделать за деньги все что угодно.
2. 人心不足蛇吞象 (Жэнь синь бу цзу шэ тунь сянь) ----比喻人贪心不足, 就象蛇想吞食大象一样。 /букв. Скупой человек стремиться получить

как можно больше, словно змея, желающая сразу съесть всего слона;/ древние говорили о жадном человеке, который становится жертвой своих желаний.

3. 视财如命 (Шица румин) :形容人的吝啬, 把钱财看得有如生命一般。 /букв. смотреть на богатство как на самую жизнь (обр. в значит.: цепляться за богатство, быть жадным) тоже отношение скупого человека к деньгам такое же, как к жизни.
4. 贪多误多, 细大不捐 (Таньдо у до, Сидя буцзюань): 小大都不抛弃, 包罗一切, 没有选择 /букв. Скупой человек хочет получить сразу все: от малого до многого/.

В русской, так и в китайской лингвокультурах скупой человек характеризуется как жадный эгоист, который думает только о себе. Это выражается в следующих пословицах:

1. Мое дело сторона;
 2. У кого что болит, тот о том и говорит;
 3. Над нами не каплет;
 4. Собака на сене: сама не ест и другим не дает;
1. 葛屨履霜(Гэцзюй люйшуан): 指冬天穿著夏天的鞋子。比喻过分节俭吝啬。 /букв. Скупой человек носит одну и ту же обувь и зимой, и летом;/
Метафора излишней бережливости и бедности.
 2. 稱薪而爨, 數粒乃炊(Чэньсинь эр цуань, шули най цхуэй): 稱柴草數著米粒煮飯。比喻只注意小事, 斤斤計較, 形容吝啬或貧窮。 /букв. Скупой человек перед приготовлением блюда сначала считает каждую рисинку и каждое дровишко;/ На древнекитайском китайском 稱 это взвешивать, 爨 это приготовление пищи на огне. Метафора, означающая внимание к мелочам и расчетливость, описывающая скупость или бедность.
 3. 善财难舍命穷人(Шаньцай наньшэ минцюн жэнь): 指人愛惜錢財, 不願施捨於人。常用來譏諷人非常吝啬。 /букв. Скупой человек так

сильно любит свои деньги, что не делится даже с собой;/ Его часто используют, чтобы высмеять людей за то, что они очень скупы.

4. 瘠人肥己 (Цзижэнь фэйцзи): 對待別人很吝嗇, 而自己卻很貪婪 /букв. Скупой человек относится скупой даже к собственной матери/.

При этом в китайской лингвокультуре существуют пословицы, отражающие невозможность забрать накопленное материальное богатство после смерти в потусторонний мир:

1. 百萬金銀財寶, 不以帶進棺材 (Байвань цзиньбинь цайбао, бу и дайцзинь гуаньцай) /букв. Миллионы денег с собой в могилу не заберешь/;
2. 錢財乃身外之物, 生不帶來死不帶去 (Цянь най шэньвай чжиу, шэбу дайлай сыбу дайцюй) /букв. Деньги нельзя заработать до рождения и потратить после смерти/.

В русском и китайском языке аналогично оцениваются натуры скупого и щедрого человека:

1. Обещанного три года ждут;
2. Дают – бери, бьют – беги;
3. Дарёному коню в зубы не смотрят;
4. 財迷心竅 (Цайми синьцяо): 指由于一心愛財而心中糊塗。 /букв. Из-за любви к деньгам скупой постепенно теряет собственную душу/;
5. 見利忘義 (Цзянь ли ван и): 見到有利可圖就不顧道義 /букв. Для скупого деньги важнее чем правда/;
6. 攫金不見人 (Цзюэ цзинь буцзянь жэнь): 攫是奪取的意思, 比喻比喻利欲熏心而不顧一切 /букв. Жадность скупого до слепоты доведет/;
7. 利欲熏心行路難 (Ли юй сюнь синь синлу нань): 貪財圖利的欲望迷住了心竅 /букв. У скупого от жадности душа ослепла/. Проявлять ненасытную жадность к деньгам (выгодам).

В китайской и русской культуре большое значение имеет человек, который помогает людям благодаря своей щедрости, из-за чего сам богатеет как материально, так и духовно:

1. Для милого дружка и серёжку из ушка;
2. Не дорог подарок, дорога любовь;
3. 贈人玫瑰，手留余香 (Цзэн жэнь мэйгуй, шоу лю юйсян) /букв.

Человек, дарящий розы, пахнет как красивый цветок/. Когда помогаешь другим людям, тебе это воздастся, тебе самому приятно.

4. 雪中送炭 (Сюэчжун сунтань) /букв. Во время снегопада послать уголь, обр. оказать помощь в самую трудную минуту, протянуть руку в час нужды; своевременная поддержка; меры первой необходимости, насущная необходимость.

5. 秀才人情纸半张 (Сюцай жэньцин чжибаньчжан) /букв. Подарок сюцай — пол-листа бумаги (всё, что он может подарить — это стихотворение или каллиграфия); скромный подарок. Ученые выражают дружбу на бумаге.; Подарок стоит ученому не дороже половины листа бумаг

При этом большое внимание в двух рассматриваемых культурах уделяется тому, что скупой человек постоянно экономит:

1. 贪小失大 (Тань сяо ши да) /букв. Потратив больше – получишь больше/;
2. 捡了芝麻，丢了西瓜 (Цзяньлэ чжима, дюлэ сигуа) /букв. Скупой вместо большого арбуза купит маленький кунжут/.

Необходимо отметить, что в китайской культуре человеческая сдержанность ценится больше чем в русской, что подтверждается следующими пословицами:

1. 细水长流 (Си шуй чан лю) /букв. Маленький поток воды все равно поток/; соблюдать бережливость
2. 辞金蹈海 (Цыцзинь даохай): 比喻不慕富貴，慷慨有氣節 /букв. Сдержанный человек не завидует богатым, так как щедрость измеряется не размером подарка/.

Из вышеприведенных пословиц можно сделать несколько важных для настоящего исследования выводов. Так, схожие аспекты щедрого и жадного человека выражаются в следующем:

1. Жизнь скупого человека скучна и труда;
2. Скупость может быть безграничной;
3. Скупой человек может быть настолько жадным, что не тратит деньги даже на самого себя;
4. После смерти нельзя забрать с собой накопленное богатство;
5. Скупой человек в конечном итоге платит больше, чем щедрый;
6. Душа щедрого человека чиста, у скупого – слепа;
7. Как в русской, так и китайской лингвокультуре щедрый человек оценивается положительно.

2.3. Установка культуры в тематической подгруппе «Сытый - голодный»: сходные аспекты в русских и китайских пословицах

В рамках оппозиции «сытый-голодный» в русских и китайских пословицах выражение происходит по-разному, в связи с чем нельзя говорить о полной тождественности их содержания. При этом существуют схожие аспекты, которые необходимо выделить в рамках настоящего параграфа.

Сходства в китайских и русских пословицах, выражающих оппозицию «сытый-голодный», просматриваются в следующих категориях,

1. Состояние голодного или сытого человека;
2. Характер голодного или сытого человека;
3. Различия между голодным и сытым человеком;
4. Поведение голодного или сытого человека.

Соответственно, необходимо детально рассмотреть каждую категорию для выявления сходных аспектов в русских и китайских пословицах. Так, в рамках первой категории «состояние голодного или сытого человека» в русском языке данная категория выражается следующими пословицами:

1. Голод не тетка;

2. Не хлебом единым жив человек;
3. Сытый голодного не разумеет.

В китайском языке данная категория выражается следующими пословицами:

1. 饥不择食，寒不择衣 (Цзибу цзэши, ханьбу цзэи) /букв. Человек ест все, когда голоден и надевает все, когда холоден/;
2. 饥者易为食，渴者易为饮 (Цзичжэ и вэй ши, кэчжэ и вэйинь) /букв. Голодного человека так же легко накормить, как напоить/.
3. 饿则思饱，冷则思暖 (Эцзэ сыбао, лэнцзэ сынуань) /букв. О еде думает только голодный человек, о тепле думает только холодный человек/;
4. 病则思健，穷则思变 (Бин цзэ сы цзянь, цюн цзэ сы бянь) /букв. О здоровье думает только богатый человек, о переменах думает только бедный человек/

В рамках категории «характер голодного или сытого человека» сходство обнаруживается при рассмотрении пословиц, выражающих равнодушие. В русском языке это подтверждается следующими пословицами:

1. Сытый голодного не разумеет;
2. Суму нищего не наполнишь.

В китайском языке схожая ситуация выражается следующими пословицами:

1. 饱汉不知饿汉饥 (Бао хань бу чжи эхань цзи) /букв. Сытый голодного не поймет/;
2. 饿人莫对饱人言 (Эжэнь мо дуй бао жэнь янь) /букв. Голодный с сытым не заговорит/;
3. 饱腹不知饥肚苦 (Баофу бучжи эдучзы цзи) /букв. Сытый не знает какво быть голодным/.

При этом данными пословицами также выражаются и различия между людьми как в русском, так и в китайском языках.

В рамках категории «поведение голодного или сытого человека» также существуют сходства между пословицами русского и китайского языка. Это отражается в пословицах, которые выражают необходимость помощи другому человеку:

1. Дорога ложка к обеду;
2. Дорого яичко к Христову дню.

В китайском языке это выражается следующими пословицами:

1. 饥时得一口，强似饱时得一斗(Цзиши дэи коу , цяньсы баоши дэи доу) /букв. Кусок хлеба вкуснее, когда голоден, чем миска риса когда сыт /;
2. 有饭大家吃，无饭大家饿 (Юфань дацзя чи, вофань дацзя э) /букв. Когда есть еда, то едят все, когда нет еды, то голодают все /;
3. 一饱不要忘百饥 (И бао буяо ван бай цзи) /букв. Поевши сам, накорми других /.

Сходства также просматриваются в категории «равнодушия» и различия социального опыта, так как сытый человек не сможет понять голодного. В рамках определенного поведения также наблюдаются сходства, так как существует необходимость оказания помощи человеку.

При этом необходимо понимать, что китайский народ придает большое значение сытости, так как это является показателем самодостаточности и социального положения в обществе. При этом сытый человек имеет возможность сделать много полезных вещей не только для себя, но и для всего общества. Тем самым подтверждается и коллективистский дух китайского народа, и его забота о близких соратниках.

Следует отметить, что в китайских пословицах голодный человек представлен как непривередливый и нетребовательный. В связи с этим считается, что его легко накормить. Дело в том, что голодный человек думает только об одном – о еде. При этом голодный человек может быть описан как злой, агрессивный и готовый на все ради еды, либо, напротив, как робкий и нетребовательный.

2.4. Отражение традиционного представления о взаимоотношениях в тематической подгруппе «Встреча – расставание»

В рамках лингвокультуры России и Китая отражается большое количество стереотипов относительно встречи и расставания с гостями, родными, знакомыми и т. д. Прежде, чем рассматривать отражение традиционного представления о взаимоотношениях в рассматриваемой тематической группе пословиц необходимо определить значение глаголов *встретить*, *расстаться*, *попрощаться* в русском и китайском языках. Согласно словарю Ожегова, глагол *встретить* означает ‘увидеть, придя или идя куда-нибудь’, ‘принять на месте прибытия, появления’ [18].

В китайском языке данный глагол обозначается иероглифом 迎 (йинь) – ‘принимать кого-либо, показывая уважение к человеку’ [3]. Что касается глаголов *расставаться* и *прощаться*, то в русском языке они имеют следующее значение: ‘обмениваться приветствиями при прощании, расставании’, ‘разойтись, попрощавшись’ [18], в то время как в китайском – 告別 (гао бие) ‘откланяться, уходить откланявшись, помахать рукой’ [3].

Анализ рассматриваемой тематической подгруппы необходимо начать с категории «Встреча». При рассмотрении пословиц в русском языке становится понятно, что русский человек встречает гостей, знакомых или родных с большой радостью и честью. В пример можно привести следующие пословицы:

1. Сколько лет, сколько зим;
2. Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется;
3. Милости прошу к нашему шалашу.

В китайском языке данный стереотип эмоционального характера отражается в пословице Конфуция, которая звучит следующим образом: «Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?» – «有朋自遠方來不亦樂乎» (Юпэн цзы юаньфан лай бу и лэ ху). В пример можно привести и другие пословицы: «一日不見，如隔三秋» (Ижи буцзянь, жугэ саньцю)

/букв. День не виделись, а словно три осени прошло/, «山不碰面人碰面» (Шань бу пэнмянь жэнь пэнмянь) или 人生何处不相逢 (Жэньшэн хэчу бусянфэн) /букв. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда сойдутся/ (мир тесен).

Особое внимание необходимо обращать на ситуации встречи и проводов гостей. Так, в русской культуре встреча гостей наиболее часто ассоциируется с традиционной русской едой (пироги, каши и т. д.). В связи с этим сформировалось большое количество пословиц, содержащих данные слова, например:

1. Не красна изба углами, а красна пирогами;
2. Кашу маслом не испортишь;
3. Хлеб всему голова;
4. Хлеб-соль ешь, а правду режь.

Согласно традициям русского народа, хозяева дома встречают гостей караваем (разновидность хлеба, пирога) на пороге дома. При этом гостям при встрече необходимо съесть кусочек каравая с солью, так как данная традиция означает, что хозяева дома выражают большое уважение и желают добра, достатка и процветания [14]. Из этого можно сделать вывод, что соль и хлеб содержат необходимую лингвокультурную информацию, которая позволяет определить традиционное представление о взаимоотношениях между людьми. Дело в том, что во времена Древней Руси соль была очень дорогой, поэтому она использовалась только при встрече высокоуважаемых гостей, которые приходят только с добрыми намерениями. Из этого можно сделать вывод, что данные атрибуты символизируют достаток, трудолюбие, мир и благополучие.

Что касается китайской культуры, то ситуация встречи гостей, знакомых и родных традиционно связана с актом чаепития [28]. Дело в том, что чай представляет собой один из основных элементов этикета китайского народа, так как хозяин дома таким образом выражает свое уважение. При этом другим атрибутом встречи гостей является вино и музыка. В данном случае можно привести пример следующей китайской пословицы, в которой выражается

отношение к гостям в соответствии с их статусом: 锦堂客至三杯酒, 茅舍人来一盏茶 (Цзиньтан кэчжи саньбэй цзю, маошэ жэньлай иху ча) /букв. Знатных гостей встречают тремя чашками вина, бедняков – чаем/. 锦堂 (Цзиньтан)- элитное жильё в древнем Китае оно относилось к домам высокопоставленных лиц, а 茅舍 (Маошэ) – хижина в древнем Китае оно относилось к домам бедных людей. Поэтому, надо принимать гостей с вежливостью, нельзя пренебрегать бедными.

Особого внимания заслуживает рассмотрение встречи и проводов гостей в русской и китайской культуре на примере пословиц. Так, в обоих языках можно проследить стереотипы поведения. В русском языке это выражается на примере следующих пословиц:

Встречают по одежке, по уму провожают;

Вот тебе Бог, а вот порог.

Исходя из данных пословиц можно сделать вывод, что как порог, так и дом, обладают культурным значением для русского народа. При этом необходимо понимать, что как гости, так и хозяева не совершают действий через порог: не прощаются, не здороваются, не передают какие-либо вещи и т. д. В рамках русской культуры считается, что территория за домом считается другим миром, где обитают злые духи и неприятели, а дверь воспринимается как граница. Исходя из этого, приветствие через порог открывает им дорогу в дом. При этом также существует суеверие, согласно которому прощание или приветствие через порог может привести к ссоре между друзьями и близкими [29]. Именно поэтому существует фразеологизм *не пускать на порог*, а также пословица. *Вот тебе Бог, а вот порог* (данная пословица использовалась в случае, если хозяин дома просит гостей покинуть дом). Также существует поверие, согласно которому под порогом живет домовая – хранитель дома, поэтому через порог нельзя здороваться или прощаться.

В рамках китайской культуры существуют пословицы и поверия относительно хранителя дома, который обозначается «灶神» – «бог очага». Он защищает дом, а также следит за действиями его постояльцев, докладывая об

этом высшим божествам. Именно поэтому его встречают или провожают в канун Китайского Нового Года различными сладостями [30]. При этом необходимо отметить, что в Китае гостей принято ожидать не на пороге дома, а за его пределами: 能叫人等客, 不叫客等人 (Нэньцзяо жэньдэн кэ, буцзао кэ дэнжэнь) /букв. Хозяин ждет гостей, а не гости хозяина/.

Согласно нормам этикета выражение приветствия необходимо выражать вербально. В данном случае как в русской, так и в китайской культуре существуют специальные пословицы, которые отражают данное действие:

1. Милости прошу к нашему шалашу;
2. Чем богаты, тем и рады;
3. Сколько лет, сколько зим.

Такими пословицами хозяин может выражать свое доброжелательное отношение к прибывшим гостям. В китайской культуре приветствие обычно зависит от отношения хозяина дома к гостям:

1. Встреча близких гостей: как у вас дела – 近来如何 (Цзин лай жу хэ);
2. Встреча дорогих гостей: добро пожаловать – 大驾光临 (Да цзя гуан линь);
3. Нежданных гостей: каким ветром занесло – 哪阵风儿吹来的 (Нэй чжэнь фэнэр цхуэй лай дэ).

При этом необходимо также отметить пословицы в русском языке, которые отражают изменение отношения хозяина гостя: *встречают гостя по одежке, а провожают по уму* (По одёжке встречают, по уму провожают).

Что касается китайской культуры, то хозяева дома сначала просят гостей остаться, а затем их провожают. Данные традиции соблюдаются и по сей день, что выражается посредством следующих пословиц:

1. При сильном дожде гости остаются его переждать – 好雨天留客 (Хао юйтянь люкэ);
2. Гость и вино – единое целое – 壶中无酒难留客 (Хучжун уцзю нань люкэ);

3. Хозяин просит гостей остаться – гости сидят – 留得在，落得怪
(Людэ цзай, лодэ гуай).

При этом хозяева при прощании с гостями также выражают глубокое сожаление: 送君千里，终须一别 (Сун цзюнь цянли, чжунсюй и бе) /букв. Прощаться с другом нужно всегда: уезжает ли он за одну или тысячу ли/. При этом существует и другая пословица, которая отражает смирение с отъездом гостей: 天下没有不散的筵席 (тянься мэю бу сань дэ яньси) /букв. Нигде не существует вечного пира/.

2.5. Русские пословицы тематической подгруппы «Сочувствие - равнодушие» и их китайские пословичные параллели

Оппозиция «сочувствие - равнодушие» в рамках русской и китайской лингвокультуры в настоящее время привлекает внимание большого количества исследователей. Это связано с тем, что в результате анализа семантики пословиц данной группы появится возможность более детально изучить национальную картину мира двух народов. Традиционно слово *сочувствие* выражает эмоциональное состояние переживания за другого человека. В китайском языке оно обозначается иероглифом «同情 Тунцин», который обозначает ‘переживать за другого человека’, ‘проявлять заботу’ [3]. В русском языке *сочувствовать* имеет следующее определение: ‘проявлять отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастьем других’ и ‘проявлять одобрительное, благожелательное отношение’ [18].

Однако необходимо отметить, что в пословицах на китайском языке обычно выражается сожаление к «слабому человеку», который выступает как традиционный объект рассматриваемого чувства. В пример можно привести следующие пословицы:

1. 惻隱之心，人皆有之 (цэинь чжи синь, жэнь цзе ючжи) – Все люди имеют естественные симпатии; Сострадание — это то, что мы все разделяем. /букв. Человек всегда должен проявлять сочувствие слабым/;

2. 于心不忍 (Юй синь бу жэнь) - сжалиться, проникнуться состраданием.

В сердце жалкий / букв. Сочувствие слабым есть важная черта доброго человека/;

3. 惜老怜贫 (Си лао лян пинь) – /букв. 1) жалеть престарелых и бедных.

2) сердобольный, жалостливый, человеколюбивый.

Следует обращать внимание на то, что «слабый человек» в рамках рассмотрения тематической подгруппы «сочувствие - равнодушие» представляет собой культурно важное словосочетание. Оно означает, что человек находится в плохом положении. Культурная особенность заключается в том, что такого человека «не избрала судьба», в то время как в других странах основной характеристикой слабого человека является отсутствие каких-либо способностей. Таким образом, судьба ему неподвластна, чем и оправдывается сочувствие. Частотность выражения сочувствия также оправдана тем, что характерной особенностью китайского народа является коллективность и желание оказать какую-либо помощь.

Необходимо также отметить, что китайский народ придает большое значение человеческой судьбе ввиду того, что многие вещи ему неподвластны. Этим и оправдывается сочувствие, при этом человек не чувствует себя в данном случае оскорбленным, а наоборот, выражает благодарность.

Данная тенденция просматривается и в рамках русской лингвокультуры, где сочувствие обычно означает переживание, сострадание, жалость, сожаление за человека:

1. Плачем (Слезам) горю не поможешь;
2. Москва слезам не верит;
3. На бедного Макара все шишки валятся.

При этом *равнодушие* представляет собой антоним *сочувствия* – состояние полного безразличия по отношению к какому-либо объекту или человеку:

1. Мое дело – сторона;
2. После меня – хоть трава не расти;

3. Моя хата с краю – ничего не знаю!

В китайском языке равнодушие выражается, как и в русском языке, с негативной точки зрения. Это связано с коллективистским характером общества, где каждый должен помогать друг другу. И в китайском словарь равнодушие — это выражение эгоизма и отсутствия заботы о других людях. Признание равнодушия выражается следующими пословицами:

1. 事不關己, 高高掛起 (Ши бу гуань цзи, гао гао гуа ци) - /букв. Повесить дело повыше (держаться от него подальше). т. к. оно непосредственно не относится к себе: держаться от дела как можно дальше, когда оно не касается тебя/.
2. 漠不关心 (Мо бу гуаньсинь) - /букв. Равнодушный, безучастный, бесстрастный; совершенно не интересоваться, относиться индифферентно/.
3. 好事不出門, 坏事傳千里 (Хаоши бу чумэнь, хуайши чжуань цянли) - /букв. Мало кто будет знать о твоих добрых поступках, сколько бы их ни было, но соверши дурной – узнает вся страна/.
4. 袖手旁觀 (Сю шоу пан гуань) - /букв. Быть безучастным зрителем (посторонним наблюдателем), наблюдать со стороны, оставаться в стороне/.

2.6. Коммуникативные особенности пословиц тематической подгруппы «Начальник - подчиненные» в русской и китайской культуре

На языковое поведение людей большое влияние оказывает культурный контекст, в котором они живут, и языковое поведение на рабочем месте в Китае, естественно, тесно связано с историческим и культурным контекстом. Но по мере развития общества оно приобрело множество различных характеристик, древних и современных, традиционных и изменчивых.

С точки зрения китайской лингвокультуры отношения между начальником и подчиненными имеют специфическое культурное значение, которое может быть выражено через определенные пословицы.

Так, в традиционном конфуцианском контексте отношения между начальником и его подчиненными аналогичны отношениям между генералом и его солдатами. Начальник руководит и заботится об интересах своих подчиненных, как в финансовых, так и в социальных вопросах. Подчиненные предлагают свою лояльность, поддержку и порядочность. Когда у начальника получается осуществлять деятельность, подчиненные видят результат и начинают работать. Когда начальник празднует, подчиненные присоединяются к нему [5].

Это подтверждается следующими пословицами:

1. 上梁不正下 (Шанлян бучжэн сялян вай) /букв. когда верхняя балка согнута, нижние тоже искривляются/; если нижняя кладка неровная, то и верхняя будет кривой.
2. 官官相护, 利害相连 (Гуануань сянху, лихай сянлянь) /букв. начальник защищает подчиненных, так как их интересы связаны/;
3. 一个篱笆三个桩, 一个好汉三个帮 (И гэ либа сань гэ чжуан, и гэ хаохань сань гэ бан) /букв. один забор, три сваи, один герой, три банды/;
4. 有其主人, 必有其仆 (Юци чжу жэнь, бию ци пу)/букв. каков начальник, такие и подчиненные/;
5. 有了钱, 万事圆 (Юлэ цянь, ваньши юань) / букв. Если у начальника все хорошо, то все хорошо и у подчиненных/;
6. 烂树不成柱子, 坏人不成上司 (Ланьшу бучэн чжуцзы, хуайжэнь бучэн шансы) /букв. гнилое дерево не годится на столбы, подлый человек не годится в начальники/.
7. 新官上任三把火 (Синь гуань шан жэнь сань ба хо) / букв. Новый чиновник зажигает три огня, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, новый руководитель, чтобы заслужить доверие подчиненных, прибегает к новым методам/.

Хотя эти конфуцианские отношения определяли отношения между начальником и его подчиненными на протяжении тысячелетий, недавние

изменения в китайском бизнесе привели к резкому разрушению его структуры. Такой распад традиционных ценностей объясняется двумя основными причинами. Во-первых, структура китайской экономики быстро трансформировалась от централизованно планируемой к структуре, более близкой к рыночной. Во-вторых, это интеграция Китая в мировую экономику, когда иностранные компании и транснациональные корпорации оказывают большее влияние на рабочую силу [33].

Отношения генерал-солдат все еще существуют, но это происходит вместе с растущим признанием успеха рабочих отношений в западном стиле, когда работодатели и даже они сами рассматривают сотрудников как нечто большее, чем наемный труд.

Возможно, самым ценным аспектом традиционных конфуцианских отношений начальник-подчиненный был аспект наставника-ученика, который может принести пользу карьерному успеху обоих. Ценность этих отношений отражена в пословице: *Прекрасная птица выбирает дерево, на котором она приживётся, а мудрый человек выбирает хозяина, которому он будет служить*. Эти отношения, которые существуют в Китае в небольших компаниях, государственных или семейных фирмах, сравниваются с отношениями между отцом и сыном («когда-то учитель, на всю жизнь - отец»), и ожидается, что они выйдут за рамки рабочего места [34]. Набожный конфуцианец хорошо запомнит наставника после того, как эти двое больше не работают вместе, и будет ожидать, что он будет навещать его и выражать свою признательность в течение многих лет.

Иностранные работодатели в Китае обнаружат, что установление такого рода отношений наставник-ученик с китайскими сотрудниками может привести к возврату в виде лояльности и упорного труда.

В русской культуре отношения между подчиненными и начальником можно разделить на три категории, описывающие стороны отношений: начальник, подчиненные, начальник и подчиненные.

Аналогичная тенденция отношения руководителя с подчиненным наблюдается и в России, где начальник стоит «у руля» управления компанией. Он является стержнем всего процесса управления и отношений между подчиненными, что подтверждается следующими пословицами:

1. Новая метла чисто метет;
2. Не подмажешь – не поедешь;
3. Рыба портится с головы;
4. Рука руку моет, и обе белы бывают;
5. Дурные примеры заразительны;
6. Наперед батьки в петлю не суйся.

При этом необходимо отметить, что деятельность начальника и его отношения с подчиненными напрямую влияют на их деятельность как в позитивном, так и в негативном смысле. Это подтверждается следующими пословицами:

1. Каков поп, такой и приход;
2. Кошка из дому, мышки в пляс;
3. Левая рука не знает, что делает правая;
4. Одна паршивая овца все стадо портит;
5. С волками жить – по-волчьи выть.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Данная глава посвящена лингвокультурологическому анализу пословиц о взаимоотношениях людей на русском и китайском языках (51 русская пословица избранных тематических подгрупп на фоне 70 китайских пословиц, отобранных из словарей по рассматриваемым тематическим подгруппам). В рамках рассмотрения тематической подгруппы «Благодарность - неблагодарность за помощь» было установлено, что выражение благодарности у русского и китайского народов считается вежливостью, однако в русском языке это происходит чаще, что связано с традиционным поведением.

Оппозиция «щедрость - скупость», представленная в тематической подгруппе пословиц «Щедрый подарок – скупой», в рамках российской и китайской лингвокультуры играет большую роль. На основе пословиц было установлено, что щедрость в русской и китайской лингвокультуре оценивается положительно, так как данный концепт связан с человеческим желанием делиться, а также со смелым и решительным характером. При этом как в русском, так и в китайском языке скупой человек бывает так жаден, что думает только о себе. В рамках двух лингвокультур аналогично оцениваются натуры скупого и щедрого человека: жизнь скупого человека скучна и трудна; скупость может быть безграничной; скупой человек может быть настолько жадным, что не тратит деньги даже на самого себя; после смерти нельзя забрать с собой накопленное богатство; душа щедрого человека чиста, а у скупого - слепа; как в русской, так и китайской лингвокультуре щедрый человек оценивается положительно; скупой человек в конечном итоге платит больше, чем щедрый.

Оппозиция «сытый-голодный», на которой строится тематическая подгруппа «Сытый – голодный», в русских и китайских пословицах выражена по-разному, в связи с чем нельзя говорить о полной тождественности их содержания. Сходства между лингвокультурами выражаются в следующем: состояние голодного или сытого человека, его характер, поведение и эгоизм.

При анализе тематической подгруппы «Встреча – расставание» был сделан вывод о том, что многие пословицы на русском и китайском языках содержат необходимую лингвокультурную информацию, позволяющую определить традиционное представление о взаимоотношениях между людьми. Так, в русском языке встреча гостей обычно связана с хлебом и солью, в то время как в китайском – с актом чаепития. При этом в двух рассматриваемых языках присутствуют пословицы, отражающие стереотипное поведение гостей и хозяев, а также случаи прощания и приветствия.

Рассмотрение тематической подгруппы «Сочувствие – равнодушие» позволило более детально изучить национальную картину мира двух народов.

Было установлено, что в пословицах на китайском и русском языках обычно выражается сожаление к слабому человеку, который находится в плохом положении. При этом равнодушие оценивается негативно.

Рассмотрение тематической подгруппы «Начальник-подчиненные» показал, что отношения между начальником и подчиненными имеют специфическое культурное значение в русской и китайской лингвокультуре, выражаемое пословицами. Так, самым ценным аспектом традиционных конфуцианских отношений начальник-подчиненный был аспект наставника-ученика, который может принести пользу карьерному успеху обоих. Начальник руководит и заботится об интересах своих подчиненных, как в финансовых, так и в социальных вопросах. Подчиненные предлагают свою лояльность, поддержку и порядочность. Аналогичная тенденция отношения руководителя с подчиненным наблюдается и в России, где начальник стоит «у руля» управления компанией и является стержнем всего процесса управления и отношений между подчиненными. При этом в двух рассматриваемых языках присутствуют пословицы, дающие понять, что отношения начальника с подчиненными напрямую влияют на их деятельность как в позитивном, так и в негативном смысле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей работы был проведен анализ активных русских пословиц тематической группы «Взаимоотношения людей» (51 пословиц) на фоне пословиц китайского языка (70 пословиц), основное внимание уделялось выявлению сходств и различий установок культуры «взаимоотношений» в пословицах при помощи семантического анализа.

Каждый язык обладает своими уникальными свойствами и по-своему выражает миропонимание говорящих на нем людей. Несмотря на то, что мы живем на одной планете и ведем похожий образ жизни, мы смотрим на мир по-разному, выражаем собственные впечатления от происходящих явлений и событий на разных языках. Учитывая, что пословицы представляют собой сущность коллективной мудрости, формировавшейся в течение длительного периода времени, они раскрывают мировоззрение как русского, так китайского языкового сообщества. Таким образом, было установлено, что картина мира в русском и китайском языке является важным элементом в рамках лингвокультурологии. А паремии, в свою очередь, представляют языковую картину мира, включающую культурный код народа.

Было также определено, что на основе изучения пословиц и поговорок можно лучше понять национальный характер человека, а также традиции, быт и стереотипы народа. При этом в рамках межкультурной коммуникации появляется возможность выделения национальной специфики пословиц и поговорок, учитывая тот факт, что русский и китайский народ проживают в разных природных и социальных условиях, а также имеют разное историческое прошлое, моральные установки, религию, ценности и т. д. Исходя из этого был сделан вывод о том, что паремиологический минимум является важным фактором развития паремиологии языков. В нем заключен определенный, самый распространенный набор паремий, при изучении которого коммуникация между представителями разных наций идет быстрее и проще.

Также был сформулирован вывод о том, что разделение по тематическим группам в русской паремиологии способствует более глубокому пониманию основных ценностей народа. В самых насыщенных по количеству группам заключается характер национальной культуры, их предмет обширен, касается повседневной жизни, социальных норм, переживаний, знаний об окружающей среде, эмоций и т. д.

Теоретические выводы, сделанные в первой главе, послужили основой для практической части работы, а именно, способствовали проведению анализа пословиц категории «Взаимоотношения людей» в русской и китайской культурах, что имеет важное значение для взаимопонимания ценностей двух дружественных народов и дальнейшего развития добрососедских отношений.

При этом в русских и китайских пословицах данной тематической группы был выделен ряд как сходных, так и безэквивалентных аспектов установок культуры о личностных взаимоотношениях, отражающих обыденное сознание носителей обоих языков, равно как и их когнитивные способности.

Так, например, при анализе тематической подгруппы «Встреча – расставание» пришли к выводу о том, что многие пословицы на русском и китайском языках содержат необходимую лингвокультурную информацию, позволяющую определить традиционное представление о взаимоотношениях между людьми. Например, в русском языке встреча гостей обычно связана с хлебом и солью, в то время как в китайском – с актом чаепития. При этом в двух рассматриваемых языках присутствуют пословицы, отражающие стереотипное поведение гостей и хозяев.

На основе пословиц оппозиции «щедрость - скупость» было выяснено, что щедрость в русской и китайской лингвокультуре рассматривается как положительное качество, ведь данный концепт связан с человеческим желанием делиться, а также со смелым и решительным характером. В рамках двух лингвокультур схоже оцениваются натуры скупого и щедрого человека:

жизнь скупого человека скучна и горька; скупость может быть безмерной; скупой человек может быть настолько жадным, что не тратит деньги даже на самого себя; после смерти нельзя забрать с собой накопленное богатство. Душа щедрого человека чиста, у скупого - слепа; как в русской, так в китайской лингвокультуре щедрый человек оценивается положительно; скупой человек в конечном итоге платит больше, чем щедрый.

Рассмотрение подгруппы «Сочувствие – равнодушие» позволило более детально изучить национальную картину мира двух народов. Было установлено, что в пословицах на китайском и русском языках обычно выражается сожаление к слабому человеку, который находится в тяжелой жизненной ситуации. При этом равнодушие в обеих языковых культурах выражается с негативной точки зрения.

Также было отмечено, что выражение благодарности в рамках русской и китайской культуры имеет некоторые отличия, которые связаны с традиционным поведением. Так, русский человек благодарит чаще, чем китайский, особенно в рамках бытовых ситуаций. Дело в том, что внимание к другому человеку в китайской культуре является аксиомой, поэтому за такое поведение не требуется благодарности, иначе человека примут за чужого. Особую благодарность в Китае ученики испытывают к своим учителям, относятся к ним с таким же уважением, как своим отцам. Побывав учителем один день, на всю жизнь получаешь уважение, как к родному отцу.

На похожую ситуацию мы обратили внимание и в оппозиции «Начальник - подчиненные». Ценным аспектом традиционных конфуцианских отношений начальник-подчиненный был аспект наставника-ученика. Эти отношения существуют и сегодня во многих компаниях в Китае и сравниваются с отношениями между отцом и сыном. Подобных пословиц в русском языке мы не обнаружили.

Анализируя группу пословиц «Взаимоотношения людей» в русской и китайской языковой культуре, мы обратили внимание на то, что они в основном имеют социальную функцию; действуют как советы,

предостережения, описания, моральные приказы и запреты, дают примеры для объяснения запутанных этических правил — иными словами, при взаимоотношениях люди могут опираться на опыт поколений, выраженный в пословицах.

Предполагаем, что результаты нашей работы могут иметь перспективы для дальнейших исследований. Русские пословицы из некоторых тематических групп классификации РССПАС раздела «Тематический указатель русских пословиц» в сравнении с другими языками уже рассматривались некоторыми учеными, которые внесли неоценимый вклад в развитие паремиологии. Однако исследований, направленных на проведение сравнительного анализа русских и китайских пословиц различных тематических групп, еще недостаточно. Считаем, что интерес к подобным изысканиям со временем будет только возрастать.

Считаем, что особую роль могло бы сыграть создание двуязычного тематического словаря на фоне русских и китайских активных пословиц. Создание такого словаря позволит эффективно использовать в коммуникативном общении лингвистические и лингвострановедческие средства для достижения взаимопонимания между представителями обеих культур. Ведь одним из показателей готовности к межкультурной коммуникации является, в том числе, использование в речи пословиц, которые понятны представителям определенной культуры или же тем, кто изучал культуру специально.

Позволим также предположить, что результаты нашего диссертационного исследования могут иметь и практическую значимость. Ведь пословицы являются прекрасным учебным материалом для языковой картины мира, так как, будучи культурно-специфичными, отображают мировоззрение данного общества, раскрывают нравы, стереотипы, аксиологию и т. д. Результаты исследования могут быть использованы и в преподавании современного русского языка в китайской аудитории,

лингвокультурологии, теории и практики перевода, русского языка как иностранного, лингвострановедения и культурологии.

Итак, паремии отражают особенности национальной истории и мировоззрения народов, а разделение по тематическим группам в русской паремиологии способствует более глубокому пониманию основных ценностей народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина А. Р. Проблемы выявления ключевых компонентов во фразеологических единицах русского языка // Русская и сопоставительная филология. — Казань: Изд. КГУ, 2007. — 193 с.
2. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1989. — 184 с.
3. Баранова З. И., Котов А. В. Большой русско-китайский словарь. М.: Живой язык, 2010. 568 с.
4. Бредис М. А., Ломакина О. В. Мокиенко В. М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
5. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. — С. 105–113
6. Введенская Л. А. Китайские пословицы, поговорки. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1959–120 с.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. — М.: Космо-Психо-Логос, 1995. — 480 с.
8. Гао, Инчже, Филимонова Т. А. Знают ли китайские студенты русские пословицы и поговорки? / Гао Инчже, Т. А. Филимонова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. — СПб.: Сударыня, — 2004. — Вып. 7. — С. 233–236.
9. Доронина С. В. "Насмешка" в зеркале обыденного метаязыкового сознания // Федеральное агентство по образованию, Кемеровский государственный университет. — Том. Часть II. 2009. — С. 202–213. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.asu.ru/files/documents/00004502.pdf>. (дата обращения: 21.08.2016)
10. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 90–141.

11. Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: подходы и направления исследования // Вестник СПбГУ. Языкознание. Сер.2, вып. 2 (№10). 2003, – С. 35–44.
12. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц), 2002 – СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та. – С. 14–19.
13. Кишин А. В. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 281–309.
14. Колесов В. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие/ В. В. Колесов. –Кем.: КемГУ, 2011. –143 с.
15. Коробейникова А. А., Хуан Юньшэн, Е. А. Давыдова, Образные номинации человека в русских и китайских пословицах // Вестник ОГУ. – 2015. – № 11. (186). – С. 77–79
16. Котова, М. Ю. О русской пословичной картине мира на фоне других восточнославянских языков (на материале Электронного словаря пословиц) // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции (14–15 октября 2021 г., г. Орел, ОГУ им. И. С. Тургенева). — Орел, ОГУ им. И. С. Тургенева, издательство «Картуш», 2021. — С. 512–518.
17. Котова М. Ю. О роли справочного аппарата в многоязычном словаре славянских пословиц // Ernst Moritz Arndt – Universitat Greifswald. – 1998. – № 3. – С. 44–56.
18. Котова М. Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учебное пособие для магистрантов. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 170 с. (Котова, 2010)
19. Ламанская Н. Б. Гостеприимство в традиционных обществах как социально-культурный феномен // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2020. №1. С. 114–118.

20. Лиин Юань. Представления о корректном и некорректном поведении в русской паремиологической картине мира. // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, N 2 – С. 94–100
21. Ли Синь Юнь. Активные русские пословицы тематической группы «Судьба» и их сербские пословичные соответствия (на фоне китайского языка) // JEZYKOZNAWSTWO – nr 1(15)/ 2021 – С. 183 -198.
22. Мокиенко В. М. Рец.: Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: «Сюита», 1996. – 544 с
23. Новиков Л. А. Семантика русского языка. — М., 1987. – 272 с. 27.
24. Орлова, О. В. Языковая картина мира и национально-культурная идентичность [Текст] / О. В. Орлова. – М.: ГАСК. – 2010. – 108 с.
25. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
26. Петрова Л.А. Паремиологический минимум как фрагмент лексикона языковой личности // Вестник Поморского университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки. – 2007. — № 3. – С. 13-27.
27. Позднякова, Е. Ю. Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «язык и культура» // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 20–28.
28. Попова С. А. Ментальный сценарий «насмешка» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской) // Вестник ТГПУ. – 2016. – С. 51–58
29. Просвирнина И. С., Шао. Жуй, Концепт «скромность» в русских и китайских паремиях // Филология И Культура. PhilologyAndCulture. – 2013. – № 4. – 98 с
30. Семененко Н. Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования. // Вести. Волгогр. Гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 59–70.
31. Сергиенко О. С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.

32. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики — М., 1990. – 176 с.
33. Сюэли П. Сопоставление китайской и русской чайной культуры // Евразийский Союз Ученых. 2017. №10–3 (43). С. 1–4.
34. Урве Ая Тематический словарь пословиц как источник реконструкции культурных концептов (сопоставительный аспект) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – №3 (33). С. 502–506.
35. Хисамова Г. Г., Латыпова Л. М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и Башкирского языков) // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. №2. С. 1–5.
36. Хуэйминь Ц. Китайские новогодние праздники по лунному календарю в повседневной культуре современного Китая // Общество: философия, история, культура. 2016. №8. С. 1–4.
37. Чжан М., Саяхова Д. К. Этнокультурное своеобразие пословиц и поговорок в китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12–3 (78). С. 1–4.
38. Чулкина Н. Л. Языковая картина мира и национальная концептосфера: онтология, методы реконструкции и единицы описания // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. №1. С. 76–83.
39. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1985. – 231 с.
40. Chuhsia W. On the cultural traits of Chinese idioms // Intercultural Communication Studies. 2015. № 10. Pp 98-115.
41. Huang Y. Proverbs in Zhangzhou: Interaction between Language and Culture // The International Journal of Linguistics, Literature and Culture. 2019. № 4. Pp. 9-19.

42. Hui C., Lee C., Rousseau D. Employment Relationships in China: Do Workers Relate to the Organization or to People? // *Organization Science - ORGAN SCI*. 2014. № 15. Pp. 232-240.
43. Jaw B., Ling Y., Wang C., Chang W. The impact of culture on Chinese employees' work values // *Personnel Review*. 2007 № 36. Pp. 128-144.
44. Kolpakova A. Russian proverbs about Love and their paremiological reflection in Bulgarian and Polish cultures // *Bulgarian Language and Literature*. 2020, Volume 62, Number 6, P. 577-564.
45. Kotova M. Yu., Raina O. V. Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (3): 487–504
46. Liu D. *Metaphor, Culture, and Worldview. The Case of American English and the Chinese Language*. Lanham: University Press of America, 2012. 197 p.
47. Sergienko Olesya S. Concepts «Home. Family. Children. Parents. Parenting» in Russian and Ukrainian proverbial vision of the world (based on the new Electronic dictionary of current East Slavonic proverbs). Europhras. <https://cdn.uclouvain.be/groups/cms-editors-plin/SERGIENKOOlesya.pdf>
48. Watkins J. A Themed Selection of Chinese Proverbs and Sayings // *Journal of Burma Studies*. 2013. № 17. Pp. 29-60.
49. Wen D. *Chinese Phraseology*. Shanghai: Shanghai Lexicographic Publishing House, 1989. 201 p.
50. Zhang Z. Business Leadership in the Chinese Context: Trends, Findings and Implications // *Management and Organization Review*. 2014. № 10. Pp. 10-23.
51. Zimonyi-Kalinyina I. Hungarian parallels of the Russian paremiological minimum, Thematic group time. Patience // *Lingua Viva* 2021, c. 32, S. 9-18.
52. 劉永紅 俄漢成語的文化分析 華中師範大學 2002年 142頁。

- (Лю, Ион Хон. Культурологические исследования русских и китайских фразеологизмов /Ион Хон, Лю. – Хуаджонский педагогический университет, 2002. – 142 с.)
53. 司馬遷 史記 上海 中華書局 2009年 3378頁。
(Си, Ма Цань. Исторические записки / Ма Цань, Си. –Шанхай: Джонхуа. 2009. – 3378 с.)
54. 王德春 詞彙學研究 山東教育出版社 1983年 33頁。
(Уан, Дэ Чуань. 146 Лексикологические исследования / Дэ Чуань, Уан. – Шаньдон: Шаньдонское издательство по образованию. 1983. – 33 с.)
55. 班固 漢書 上海 中華書局 1962年 4295頁。
(Пань, Гу. Историческая хроника китайской династии Хань / Гу, Пань. Шанхай: Джонхуа, 1962. – 4295 с.)
56. 朱介凡 《中國諺語論》 台北 新興書局 1964年 第二章。
(Чжу Цзи Фань, Китайские пословицы / Тайбэй: Синьсин, 1964.)
57. 溫端政 《諺語》 北京：商務印書館 1985年 1-10頁 (Вэнь Дуан Чжэн, Пословица / Пекин: Коммерческая пресса, 1985.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. БСЭ: <http://bse.sci-lib.com/article091835.html>)
2. БСЭ: <http://bse.sci-lib.com/article090171.html>)
3. ГКП = Доу Дин, Популярныe пословицы китайских исследователей — <https://www.docin.com/p-2615481224.html>
4. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. И. Даль. –Режим доступа:
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/06.php
5. ККП = Ван Сянли, 100 Китайские классические пословицы — <https://wenku.baidu.com/view/38aade5c306c1eb91a37f111f18583d049640fa6.html>

6. ЯСК = Ван Су, Хуан Дуньбин, Язык семьи Конфуций — https://so.gushiwen.cn/guwen/book_46.aspx
7. 中国少数民族谚语大全 (Китайские пословицы меньшинств) — <https://wenku.baidu.com/view/5b2ca95001768e9951e79b89680203d8ce2f6a14.html>

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СБОРНИКОВ ПАРЕМИЙ

1. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: СПбГУ, 2000. – 360 с.
2. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 2003.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2018. 1376 с.
4. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Москва: Книга Принтшоп, 1990. 615 с.
5. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е. — М.: Издательство советской энциклопедии, 1969. – 608 с.
6. Rohsenow J. ABC Dictionary of Chinese Proverbs. Hawaii: University of Hawaii Press, 2003. 176 p.
7. 高明, 林尹 《中文大辭典》 台北: 中國文化研究所 1962 年 40 冊。(Гао Минь, Линь Инь, Большой словарь китайского языка / Минь, Гао, Инь, Линь–Тайбэй: китайский культурный институт, 1962. 40 томов.)
8. 耿文輝 《中華諺語大辭典》 瀋陽: 遼寧人民出版社 1991 年 1504 頁。
(Гэн Вэньхуэй, Большое словарь китайских пословиц / Гэн Хуэй, Вэнь – Шэньян: Народа Ляонина 1991 г. – 1504 с.)
9. 溫端政 《現代漢語諺語辭典》 上海: 上海辭書出版社 2009 年 323 頁。
(Вэнь Дуан Чжэн, Большой словарь китайских пословиц / Дуан Чжэн, Вэнь – Шанхай: изд-во Шанхайское лексикографическое, 2009. – 323.)
10. 溫端政 《中國諺語大辭典 辭海版》 上海: 上海辭書出版社 2011 年 1398

- 頁。(Вэнь Дуан Чжэн, Большой словарь китайских пословиц / Дуан Чжэн, Вэнь – Шанхай: изд-во Шанхайское лексикографическое, 2011 г. – 1398.)
11. 溫端政 《中國俗語大辭典 辭海版》_上海：上海辭書出版社2011年 1137 頁。(Вэнь Дуан Чжэн, Большой словарь китайских поговорок / Дуан Чжэн, Вэнь – Шанхай: изд-во Шанхайское лексикографическое, 2011 г. – 1137.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. БСКП = Дуан Чжэн, Вэнь Большой словарь китайских пословиц— Шанхай: изд-во Шанхайское лексикографическое, 2012 г. – 440 с.
2. ККПС = Цзинь Юйлан, Корейско-Китайские пословицы Идиомы Словарь идиом — Пекина: Народное издательство Пекина, 2017 г. - 445 с.
3. КСУШ = 商务印书馆辞书研究中心, 商务馆小学生成语谚语歇后语惯用语词典 (Словарь идиом, пословиц, поговорок и фразеологизмов для учащихся начальной школы) —Пекина: Народное издательство Пекина, 2019 г - 763 с.
4. РКСПП = Е Фанлай, Русского - Китайский словарь пословиц и поговорок — Пекина: Народное издательство Пекина, 2016 г. – 523 с.
5. РССПАС = Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПАРЕМИЙ

РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Русские паремии

1. Голод не тетка. (РССПАС:42; 197)
2. Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется. (РССПАС:42; 197)
3. Дарёному коню в зубы не смотрят (РССПАС: 74: 196)
4. Дают – бери, бьют – беги (РССПАС: 47; 196)
5. Для милого дружка и (хоть) сережку из ушка. (РССПАС:56; 196)
6. До Бога высоко, до царя далеко. (РССПАС:22; 198)
7. Долг платежом красен. (РССПАС:53; 196)
8. Дорога ложка к обеду. (РССПАС:84; 196)
9. Дорого яичко к Христову дню. (РССПАС:180; 196)
10. Дурные примеры заразительны. (РССПАС:122; 198)
11. Из «спасиба» шубы не сошьешь. (РССПАС:177; 196)
12. Как аукнется, так и откликнется (РССПАС: 15; 196)
13. Каков поп, таков и приход. (РССПАС:118; 198)
14. Каков привет, таков и ответ. (РССПАС:121; 196)
15. Кашу маслом не испортишь (РССПАС: 70; 184; 191;201)
16. Кошка из дому, мышки в пляс. (РССПАС:77; 198)
17. Лбом стену (стенку) не прошибешь. (РССПАС:83; 198)
18. Левая рука не знает, что делает правая. (РССПАС:131; 198)
19. Милости прошу к нашему шалашу (РССПАС: 175; 191)
20. Мое дело – сторона (РССПАС: 49; 188)
21. Москва слезам не верит. (РССПАС:98; 197)
22. Моя хата с краю – ничего не знаю! (РССПАС: 167; 188)
23. На бедного Макара все шишки валятся (РССПАС: 89; 199)
24. На нет и суда нет (РССПАС: 153; 196)
25. Наперед батьки в петлю (пекло) не суйся. (РССПАС:17; 198)
26. Не дорог подарок, дорога любовь. (РССПАС:116; 196)
27. Не красна изба углами, а красна пирогами (РССПАС: 66; 191)

28. Не плюй в колодец /: пригодится воды напиться/. (РССПАС:72; 196)
29. Не подмажешь — не поедешь. (РССПАС:116; 197)
30. Не хлебом единым жив человек. (РССПАС:168; 197)
31. Новая метла чисто (по-новому) метет. (РССПАС:93; 197)
32. Обещанного три года ждут. (РССПАС:103; 196, 196)
33. Одна паршивая овца все стадо портит. (РССПАС:104; 198)
34. Плетью обуха не перешибешь. (РССПАС:114; 198)
35. После меня – хоть трава не расти (РССПАС: 158; 192)
36. Против шерсти не гладят. (РССПАС:175; 197)
37. Рука руку моет /, и обе белы бывают/. (РССПАС:132; 197)
38. Рыба портится (тухнет, гниет) с головы. (РССПАС:133; 197)
39. С волками жить — по-волчьи выть. (РССПАС:32; 198)
40. С паршивой овцы хоть шерсти клок. (РССПАС:104; 196)
41. Свято место пусто не бывает. (РССПАС:92; 197)
42. Сено к лошади не ходит. (РССПАС:138; 197)
43. Сколько лет, сколько зим. (РССПАС:81; 197)
44. Слезами горю не поможешь. (РССПАС:114; 197)
45. Спасибом сыт не будешь. (РССПАС:155; 196)
46. Суму нищего не наполнишь. (РССПАС:154; 196, 197)
47. Сытый голодного не разумеет. (РССПАС:156; 197)
48. Услуга за услугу. (РССПАС:163; 197)
49. Хлеб всему голова. (РССПАС:168; 191)
50. Хлеб-соль ешь, а правду режь. (РССПАС:168; 202)
51. Чем богаты, тем и рады. (РССПАС: 23; 191)

Китайские поговорки и фразеологизмы

1. 鼻子不是鼻子，臉不是臉 (ККПС:249 ;07)
2. **ФЕ:** 好借好还，再借不难 (БСКП, 2012)
3. 投之以桃，报之以李 (БСКП, 2012)
4. 滴水之恩，當湧泉相報 (БКП, 2012)

5. 知恩图报，善莫大焉(БСКП, 2012)
6. 一诺千金 (БСКП, 2012)
7. 大恩不言谢 (БСКП, 2012)
8. 光说不练假把式 (БСКП, 2012)
9. 心有余而力不足 (БСКП, 2012)
- 10.千恩万谢 (БСКП, 2012)
- 11.感遇忘身 (БСКП, 2012)
- 12.一日為師，終身為父 (ЯСК)
13. 有朋自遠方來不亦樂乎(ЯСК)
- 14.一日不见，如隔三秋 (БСКП, 2012)
- 15.ΦE: 人生何处不相逢 (БСКП, 2012)
- 16.锦堂客至三杯酒，茅舍人来一盏茶(БСКП, 2012)
- 17.能叫人等客，不叫客等人 (10000 СКП:161;01)
- 18.ΦE: 近来如何 (БСКП, 2012)
- 19.ΦE: 大驾光临 (ККПС:323 ;05)
- 20.ΦE:哪阵风儿吹来的 (ККПС:105 ;10)
- 21.好雨天留客 (10000 СКП:90;05)
- 22.壶中无酒难留客 (ЯСК)
- 23.留得在，落得怪 (10000 СКП:141;05)
- 24.ΦE:送君千里，终须一别(БСКП, 2012)
- 25.ΦE:天下没有不散的筵席 (БСКП, 2012)
- 26.惻隱之心，人皆有之(БСКП, 2012)
27. ΦE:于心不忍 (PKCΠΠ :63;15)
28. 惜老怜贫 (БСКП, 2012)
29. 事不關己高高掛起 (10000 СКП:272;05)
30. 漠不关心 (商务馆:330;02)
31. ΦE:好事不出门，坏事传千里(БСКП, 2012)

32. 袖手旁观 (БСКП, 2012)
33. **ΦE**: 贪得无厌(商务馆:479;08)
34. **ΦE**: 铁公鸡一毛不拔(БСКП, 2012)
35. **ΦE**: 唯利是图 (商务馆:517;07)
36. **ΦE**: 人心不足蛇吞象(БСКП, 2012)
37. **ΦE**: 视财如命 (ККПС:361 ;08)
38. 细大不捐 (БСКП, 2012)
39. 葛屨履霜 (中国少数民族谚语大全)
40. 稱薪而爨,數荊乃炊(中國少數民族諺語大全)
41. 善财难舍 (10000 СКП:247;06)
42. 瘠人肥己 (БСКП, 2012)
43. **ΦE**: 百萬金銀財寶，不以帶進棺材(中國少數民族諺語大全)
44. **ΦE**: 錢財乃身外之物，生不帶來死不帶去(中國少數民族諺語大全)
45. **ΦE**: 财迷心窍 (10000 СКП:19;20)
46. **ΦE**: 见利忘义(商务馆:228;06)
47. 攫金不见人 (中国少数民族谚语大全)
48. **ΦE**: 利欲熏心(10000 СКП:173;08)
49. 赠人玫瑰，手留余香 (БСКП, 2012)
50. **ΦE**: 雪中送炭 (10000 СКП:338;12)
51. 秀才人情纸半张 (10000 СКП:337;03)
52. **ΦE**: 贪小失大(商务馆:480;07)
53. **ΦE**: 捡了芝麻, 丢了西瓜(商务馆:227;09)
54. **ΦE**: 细水长流 (商务馆:540;06)
55. 辞金蹈海 (Интернет)
56. 饿则思饱，冷则思暖 (ЯСК)
57. 病则思健，穷则思变 (ЯСК)
58. **ΦE**: 饱汉不知饿汉饥(БСКП, 2012)

59. 饿人莫对饱人言(10000 СКП:57;19)
60. **ФЕ**: 饱腹不知饥肚苦(10000 СКП:06;08)
61. 饥时得一口，强似饱时得一斗(10000 СКП:100;03)
62. 有饭大家吃，无饭大家饿(10000 СКП:382;18)
63. 一饱不要忘百饥(10000 СКП:354;01)
64. **ФЕ**: 上梁不正下 (БСКП, 2012)
65. 官官相护，利害相连(БСКП, 2012)
66. 一个篱笆三个桩，一个好汉三个帮(БСКП, 2012)
67. 有其主人，必有其仆 (Интернет)
68. 有了钱，万事圆(10000 СКП:385;01)
69. 烂树不成柱子，坏人不成上司 (中国少数民族谚语大全)
70. **ФЕ**: 新官上任三把火 (БСКП, 2012)